

СМЕНА

24

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В АНТАРКТИКУ

Слова И. БРУК,
Музыка В. КАРАХАНА.

Солист
Умеренно
Солист
1. Ходильные ветры се гра раз. ме. тали, о.
кулату мон. ю лыж. ю лес.. Ты сле. да все песни, ма. на про. во. жа. я в ан.
Хор
арктику, в дальний, не. ве. до. мой рейс! Да си. дань - а! Да си.
[2.3 4.]
дань - а!
В ант. арктику в дальний не. ве. до. мой реc! ага!

Холодные леггеры снега разматывали,
Окунут в туманную дымку лес...
Ты спела все песни, меня
В Антарктику, в дальний
неведомый рейс.

Припев:
До синданы! До синданы!
В Антарктику, в дальний,
неведомый рейс!

Потом уносила всю ночь
простовас,
Все думала: вот налево ураган,
Но мы не боимся девятого вала,
Ведь нам не впервой бороздить
океан!

Припев:
До синданы! До синданы!
Ведь нам не впервой бороздить
океан!

Мы белые пятна стираем
на картах.
Нам трудное дело доверили народ.
Победное знамя героям полярных
Дала нам Отчизна в далекий
покор.

Припев:
До синданы! До синданы!
Нам трудное дело доверили
народ!

В безмолвии громом снега
Антарктиды,
Круглы ледяные ее берега...
Мы долго родные места
не увидим,
Но Родина нам и щадил дорога.

Припев:
До синданы! До синданы!
Родная страна нам везде
дорога!

Фото Е. Рябникова.

ЦВЕТИ, СОВЕТСКАЯ УКРАИНА!

Советской Украине — одна из ярких из明珠 в составе великого Союза ССР — исполнилось 40 лет. От душа поздравляю братьев-украинцев с этой знаменательной датой, народом нашей страны радуются тем успехам, которые достигла Украинская республика за годы Советской власти.

Украина превратилась в страну мощной передовой индустрии и высокого профессионализма. На побережье Запорожского Рога стали крупнейшими промышленными центрами. Заводческий успех добился также в сельском хозяйстве Украины. Богатейшим урожаем пшеницы, кукурузы, риса, картофеля выращивают они на своих полях. Всего же Украина производит более 100 видов зерновых, масла, масел, сахара.

Небывалого расцвета достигла культура Украины. В ее столице Днепре за пределами Советской страны известны произведения писателей, поэтов, художников, скульпторов.

Украинские писатели — это братья — русского народа — и всех народов нашей великой Родины.

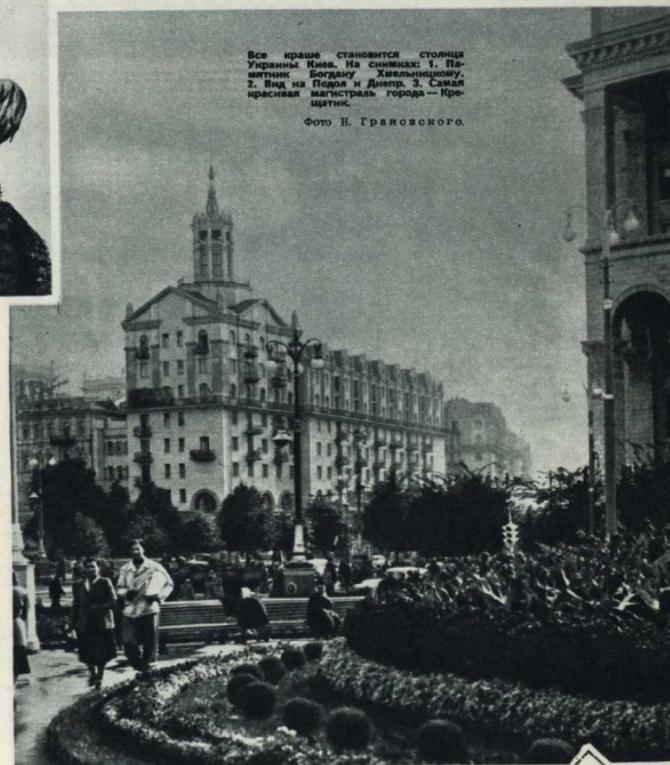
На фабриках, в шахтах и рудниках, на строительных площадках, колхозных и совхозных полях самоотверженно трудаются молодые люди нашей Украины. Их чистой славой покорили себя строители ДнепроГЭСа, Каховской ГЭС, «Азовстали» и многих других гигантов промышленности, гордящийся делом индустриальной Украины. Руками молодых патротов в Донбассе и Крымских строятся 35 шахт.

Цвети, Советская Украина!

Все краине становится столица
Украиной. 1. На склоне горы Пла-
вильного Бороды Химикоидному.
2. Вид на Перея и Днепр. 3. Самая
красивая магистраль города — Кре-
щатик.

Фото Н. Грановского.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 24. 1957 год.

Год
издания
34-й

НА ЗЕМЛЕ ЗАКАРПАТСКОЙ

А. ПАЛЕЙ

Специальный корреспондент «Смены»

Горы, горы, горы... Кажется, нет им ни конца, ни края. Синяя, Глыбка, Митево... Они сливаются в сплошную могучую гряду, образуя Карпаты.

Несколько столетий назад у подножия Карпатских гор возникло село Довге.

Единственный литературный источник, где упоминается Довге, это журнальная маргуратская статья по Закарпатью. В ней сказано, что в селе есть памятник, сооруженный закарпатским пастырянам, костел XIII—XIV веков и бывший дворец, в котором сейчас больница... Вот и все. Зато история села не так скромно освещает события. Она передавалась от поколения к поколению, пополнялась преданиями о подвигах воинолюбивого горного народа, который еще 250 лет назад самим боем был чудесным образом спасен. Об этом далековидном событии и напоминают сохранившийся в церкви Довгого памятник геронтическому проповеднику закарпатцев.

До недавнего времени хозяевами почти всех здешних земель и лесов были граф Телени и «коцы церкви». Кто только не пытались породить местных украинцев, уничтожить их культуру! Но они упорно не сдавались и хоть ценные стоянки были оторваны от материи Украины, все же сумели отстоять свою землю. Их язык — это смесь родной речи и национальной одежды, заушные песни и чудесные танцы, прекрасное искусство вышивок и резьбы по дереву.

О том, как жили прежде и как живут теперь жители села Довге, и пойдет речь в этом очерке.

У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕЛЬСОВЕТА

С председателем Доринского сельсовета Василием Олашином мы познакомились, прислушиваясь к областячествам. Когда я вошел в кабинет, рядом с письменным столом председателя сидели мужчина и женщина. Он нервно теребил в руках кепку, а она, бархено приютив к груди ребенка, внимательно следила за тем, что делал Олашин. А председатель, выразившись официальным языком, заливался юридическим оформлением гражданина новорожденного...

Подтверждение областячества, удостоверяющее появление на свет самого молодого жителя села, Василий Олашин сказал:

— В хорошее время родился. Растите боятесь... Жити да жити долине годы!

— Спасибо! — в один голос ответили родителям.

— Этого мало. Чарочка с вас!. Да смотрите, добавил председатель, — я очень прихожу к сессии с таким документами.

Правда, счастливые и одновременно смущенные напутственными словами молодую чету, Василий Олашин заговорил со мной:

Растет население Довгого. Еще год не кончился, а уже сюда семья свидетельства выдала. Сто семь раз подздряла с рождением: Что ни день, то гуляют в семьях по поводу прибавления...

Он с гордостью рассказывала о том, с какой радостью встречали появление на свет юных дожинщиков в семьях колхозников Кертыса, Панича, Ковача...

Слушая председателя сельсовета, я испытал интерес к Василию Стефановичу,

блестящему знатоку жизни западнокарпатской крестьянки. В этом рассказе писатель повелал о том, как в прежние времена бедняк Гриць Летунг утонул в реке свою девочку...

После смерти жены осталась он с двумя детьми. Замуки за него не шли: если бы только дети, а то и нукда и бедность... Дав года не мучился Гриць, и никто, кроме соседей, не знал, как он живет. А он пошел всем замуки в ноги, хотел, чтобы и другие колхозники тоже...

Когда всешли Грица вечером в кату, а доносят — отец, мы хотим есть! «Беште меша», — отвечает отец: — Что я вам дам.. Народила вас и оставила на мою голову, чтоб ее земля выбросила! И где только чуми ходят, к вам не завернет. Этой хаты и чума бонится!»

В то страшное время сотни семей жили так же, как семья бедняка Летунга. Они ютились в жалких лачугах и считали, что только смерть избавит ребенка от страданий, облегчит жизнь семье. И дети, и матери, и отцы отчаявались, родители, то к голове, то к руке отчавливались. Люди в этих краях говорили: Карпаты всегда влажные и соленые, от людей сухие.

Слушая теперь председателя сельсовета, я думал о великом счастье, пришедшем в каждые дом, в каждую семью, в широкую карпатскую долину.

Я попросил Василия Васильевича Олашина рассказать о себе...

— С удовольствием, — ответил он. — Но расказ будет длинный...

— Это понятно: ведь Довгому уже не сколько столетий...

— Так-то оно та... Только что толкалось о прошлом, — говорю без радости, — в нужде гора. А вот о сегодняшней жизни можно рассказать до утра. И все равно времени не хватит. Мы только недавно отпраздновали одиннадцатую годовщину присоединения Закарпатья к Советской Украине. Сколько интересных событий произошло за эти годы

в семье каждого дожинщика! Одно слово — здорово!

Через открытое окно доносилась песня. Она приближалась, росла, и вскоре уже можно было расслышать отдельные слова этой рожденной в горах коломийки. Эхонкие девичьи голоса выводили:

Засыпала Верховина, зашумил риц,
Задарвала рідне наше, вільне ти наїзи.
Грай, гуцule, коломийку, будем танцювати.
Веселиться наша міла Верховина-мати.

Девичий голос уступили место басам:

Верховина мія, рідна несгора,
Ти съогоди не та, як була вчора.

Да, сегодняшня Верховина не та, какая была она вчера. Не та теплота и Довге...

Было время, когда в деревне, недавнем прошлом гляди крестьяне искали лучшей доли. Шли дожинщи в далекие края с одной мыслью: зарыбить кусок хлеба. Но и за тысячу верст от Карпат, за синими горами, никакого хорошего не находили. Одни из них возвращались таким же бедными, какими покидали Карпаты, другие находим себе могилы в холмистой Америке, в далекой Аргентине, под холмами Боливии. Карпаты, склонив головы, смотрели на своих, ходивших из хаты в хату, и никто не мог противиться ей. Да что противиться! Сотни дожинщиков видовали тому, кто умирал: ведь смерть многим казалась краше, чем подневольная жизнь...

Село наше старое, — говорит председатель, — история его большая. Но в старом народе было мало. И нечестивые, чудаки, думавшие в том, что сейчас любой дожинщик на землю склонял, без смысла обязательно ответят: только-только родился наше Довг! Жизнь в селе обновилась, стала молодой, красивой...

ВЕСНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Растет, крепнет Довг...

Советская Армия принесла сюда долгожданную свободу, а вместе с ней пришла и новая счастливая жизнь. И никогда дожинщи не забудут первую советскую весну на родине земли, когда в селе, объединившись, землевладельцы и землепашцы, дали им именем Михаила Горького.

Советскому человеку, рожденному после Октября, неведомы страдания безземельного крестьянина. Он знает о них лишь, по книгам да по рассказам старших. Закарпатья же, как молодые граждане Советского Союза,

и Елена Сабодаш, выращивающие высокие урожаи кукурузы; овцевод Михаил Пап; доярка Аниа Гечко, Полина Черепко и Анна Лах. Всеобщее уважение заслужили в колхозе заедущий санитарно-гигиенический и птицеводческой фермой В. Пол, ездовой Петр Кертис, бригадир садово-виноградарской бригады Петр Наздревец, виноградари Мария Симакинич и Юлия Повх, телятница Мария Данчук. Не счесть имён передовых людей колхоза. Они слава и гордость, его будущее.

Многое можно было бы сказать о Юрии Петровиче Коневе, председателе колхоза. Когда-то он говорил: потомственный бедняк. Как и каждый дожжанин, нацил Ковач свое счастье в жизни только в годы Советской

на себе испытали ужасы бесправной, беззменной жизни, издавательства помещиков и фабрикантов. Вот почему каждый дожжанин так гордится успехами своего колхоза: ведь в них отражена новая, преображенская жизнь. Советское государство начало активную закупку сельскохозяйственной артели имени Горького 6 675 гектаров земельных угодий, в том числе около 900 гектаров пахотной земли. На площади 150 гектаров раскинулись колхозные сады и виноградники. Около 800 гектаров отведено под артельные сенокосы. За колхозом закреплено 1 762 гектара карпатских лесов. У каждого колхозника есть присадебный участок.

Колхоз «Довгом» многоотраслевой. Здесь выращивают зерновые культуры и картофель, озимые и фрукты, выращивают табак. Много внимания уделяется развитию животноводства, птицеводства и пчеловодства. В артели 580 голов крупного рогатого скота, 1 120 овец, более 150 лошадей.

Только в прошлом году артель получила 2 миллиона 214 тысяч рублей прибыли — в два раза больше, чем в 1955 году. В оплату трудодней колхозникам выдан миллион рублей. За успехи, достигнутые в развитии овцеводства, в 1956 году колхоз был участником Всеукраинской сельскохозяйственной конференции, колхозники построили гидроэлектростанцию. Это позволило механизировать трудовые процессы колхозного производства.

На животноводческих фермах, например, уже давно применяют электропропилки для скота, электродонные аппараты. Все хозяйствственные помещения и дома колхозников электрифицированы. И это в далеких Карпатах, где до прихода Советской власти жители пользовались только лучиной и лампадой!.. Из года в год растет, богатеет хозяйство артели. В прошлом году колхозники начали строительство. В прошлом году колхозники построили новую овцеферму, помещение для сушки табака, синтетические сооружения. Сослал недавно заселеными два отлично оборудованных общежития для трактористов и дюрок. При общежитиях — кухни, столовые, красивые уголки, кинозал.

В этом году труженики колхоза имени Горького вырастили высокий урожай зерновых, картофеля, винограда, табака и других культур. В прошлом году и колхозные животноводы. В 1957 году колхоз получил 3 миллиона рублей прибыли.

Повышается благосостояние колхозников; все более весомым становятся колхозный трудодень. В артели ввели систему ежемесячного денежного авансирования.

В артели выросли чудесные мастера сельскохозяйственного производства. Вот некоторые из них: молодые зееневые Мария Ковач

и Елена Сабодаш, выращивающие высокие урожаи кукурузы; овцевод Михаил Пап; доярка Аниа Гечко, Полина Черепко и Анна Лах. Всеобщее уважение заслужили в колхозе заедущий санитарно-гигиенический и птицеводческой фермой В. Пол, ездовой Петр Кертис, бригадир садово-виноградарской бригады Петр Наздревец, виноградари Мария Симакинич и Юлия Повх, телятница Мария Данчук. Не счесть имён передовых людей колхоза. Они слава и гордость, его будущее.

Многое можно было бы сказать о Юрии Петровиче Коневе, председателе колхоза. Когда-то он говорил: потомственный бедняк. Как и каждый дожжанин, нацил Ковач свое счастье в жизни только в годы Советской

Ансамбль песни и танца «Боржава» — гордость жителей села. Неизменным успехом пользуются выступления гитаристов этого самодеятельного коллектива.

В местной школе установилась хорошая традиция: десятиклассники встречают малышей, пришедших в школу впервые. На снимке: Надя Сабодаш встречает новичков.

казатель того, что в бедное когда-то карпатское село пришла богатая жизнь!

— Да разве только это свидетельствует о нашем материальном благополучии — сказал председатель сельсовета.— За последние полгода в селе открыты двадцать шесть сладких Телятины Мария Губрич вышла замуж за односельчанина, демобилизованного воина Со- ветской Армии Василия Ильинского. Молодой колхозник Михаил Губрич женился на рабо- ботнице лесной железной дороги Анне Бетрич.

С каждым днем становится крепче экономика села. В Довге развивались деревообрабатывающая промышленность, вырос центральный комбинат. Ежедневно с территории комбината, с участком лесозавода вывозят десятки железнодорожных вагонов и автомашин цехенной древесины, которую направляют во все уголки страны — в Москву и Ленинград, в Киев и Свердловск...

Изменились и внешний облик села: выросли новые улицы, проложены хорошие дороги, разбиты скверы и парки. В селе два клуба, библиотека, кинотеатр, стадион, детский сад и ясли, магазины, чайные, пекарня. Только за последние годы спустились новоселье 465 даченцев, в том числе семьи колхозников Василия Прокопова, Ивана Косыка, Валентина Бабицкого, Дмитрия Минчука, Галуса Андреевича... Государство оказывает огромную помощь индивидуальным застройщикам как для строительства домов, так и для ремонта.

Село полностью электрифицировано и радиофицировано. Большими событием в жизни даченцев явилось строительство Дома культуры, который был закончен с окраиной Октябрьской. Сотни комсомольцев колхоза, школы, института, стариков, классов, поисковые колхозники принимали участие в этой подлинно народной стройке.

МЕДИЦИНСКИЙ ГОРОДОК

В болничном саду мне довелось услышать беседу локального колхозника с молодыми медиками-стажерами.

— Было это еще до прихода Советской власти, — говорил колхозник. — Жил тогда в Довге один врач. А обслуживал он должен был население двадцати сел. Люди говорили: быстрее от Вены пешки доберешься, чем до нашего доктора. Мало кто мог себе позволить его услуги. Поэтому в селе было много хвори, без денег и шага не делая, пытались крастье на колени становились перед ним, умоляя спаси близкого человека. А он, проклятый, с места не сходит, пока не получал в руки ассигнацию. Так и умирали крестьяне, словно те муки... Деньги рещали все. А откуда было взять денег бедный членовек!

Старое время населения Довгого, как и многих других закарпатских сел, не получало никакой медицинской помощи. В селе существовали информационные больницы-береги, говорили, что когда летает лет на тридцать, здесь всегда открыты участковые больницы, люди откладывались на них лежать. Они никак не могли поверить, что Советская власть представляет народу бесплатную медицинскую помощь...

И как по-настоящему радовались даченцы, когда убедились, что к их услугам отлично оборудованная больница, где лечат бесплатно, что наше государство делает все для сохранения здоровья простых тружеников. Старейший из селенцев рассказал, что больница на 35 кроватей организована амбулаторийным приемом есть аптека. В селе открыты также специализированные больница и большой санаторий. Население Довгого обслуживают 169 медицинских работников, из них 9 врачей. К услугам даченцев — три рентгенокабинета, клинико-диагностические лаборатории, кабинеты физических методов лечения. В 1957 году бюджет медицинских учреждений Довгого составляет 3 миллиона 780 тысяч рублей. На стоянке удавалось тому, что даченцы с такой огромной гордостью говорят в селе нашем свой медицинский городок!

КАКИЕ ПУТЬ ОТКРЫТ

До прихода Советской власти в Довге было одна начальная школа, да и в ней преподавание велось не на родном, украинском

языке. И все же тот, кому удавалось окончить эту школу, считался счастливчиком. Почти все население села было неграмотным.

С первых же дней освобождения Довгого от фашистской нечины одновременно с ликвидацией неграмотности среди взрослого населения в селе начали создавать школы. Сейчас здесь открыты семилетка и десятилетка, в которых обучаются более 800 детей. Есть в Довге и первая школа рабочей молодежи. Раньше в селе было 3 учителя, а теперь — 51 педагог!

Многие юноши и девушки Довгого за годы Советской власти успели окончить высшие учебные заведения. Среди них есть инженеры, художники, физиологи, биологи...

Когда же даченцы говорили, что церковная крыша живет куда лучше, чем Василий

скую школу, мечтают о специальности врача. И все это в семье простого колхозника, который сам недавно ликвидировал свою неграмотность.

ЖАЛОБА КОЛХОЗНИЦЫ ГАФИИ КОТА
— С жалобой к вам на нашего начальника связи...

С таким заявлением явился недавно в сельсовет молодая колхозница Гафия Кота. — Вынуждена районной и областной газеты, попросила почту выслать мне журнал «Линия». Отказал. Говорят, что не линия. А это же мой журнал! Я же пишу в своем журнале, а не в линии. Разве это дело, чтобы человеку отказали в такой простой? Вот и пришла ко мне: пойдите на нашего почтчика!

Рассказывала мне об этом случае, председатель сельсовета заметил:

— Я слушал колхозницу и радовался тому, что всего лишь несколько лет назад она научилась читать, а сегодня требует журнала, который выходит в далеком Бердичеве. А ведь во времена австро-венгерской и буржуазной Чехословакии никто из наших крестьян не выписывал ни одной газеты, ни одного журнала. Да и заем они нурили были неграмотными людьми!

Года два назад даченцы получали около 900 экземпляров газет и журналов, а сейчас — более полутора тысяч.

В 1946 году в селе открыли библиотеку. Сельский Совет предоставил ей помещение, мебель, книги, зал. В книжном фонде библиотеки сидела 7 тысяч томов. Анна Сварни, Нария Дуда, Гафия Нимук, Берто Штайнайд, Василь Нимук и многие другие даченцы участвовали в читательских конференциях, на которых обсуждались произведения русских и украинских советских писателей.

В колхозных бригадах созданы библиотеки-передвижки. Любители книг в часы отдыха организуют для колхозников читки газет и журналов, информируют односельчан о литературных новинках.

Книга стала другом даченцев.

Дмитро ЛУЦЕНКО

Моя Украина

Сады Приднепровья, дубравы Полтавы, Потоки пшеницы, металла, угля...

В соже республик Советской державы Моя Украина сильна, величава, Согрета немерущим светом Кремля. Как сын твой горючес в твоим делами, На благо твое вдохновенно трукаусь, Ты щедра землюю одела садами, Ты нас научила сражаться с врагами, Любить беззаветно великую Русь. За него ты следом под стягом багряных Потоков через бури до сметных высот, Ты с ней разметала серды туманы, Разбила оны, борясь неустранно За то, чтобы в буду бы счастливо народ. Пусть недуг за морем, от злобы неистов, Готовится к войнам и точне нюху — Мы будем, родные, в степях золотистых, Над синью днепровской, под небом

лучистым

Трудиться, чтобы мирной была наша жизнь. И нет ничего для нас выше на свете, Чем правда великой Советской страны!

В победах ей крепнуть, в борьбе молодость ей,

Расти и мучать ее преданным детям,

Чтой верой в грядущее наше сильны.

Сады Приднепровья, дубравы Полтавы, Потоки пшеницы, металла, угля...

В соже республик Советской державы Моя Украина, сильна, величава, Согрета немерущим светом Кремля.

С украинского перевода
Вероника ТУШНОВА.

Поплы. Сейчас в семье Поплы произошли удивительные перемены. Старший из трех сыновей, Юрий, закончил физико-математический факультет Ужгородского университета и сейчас преподает в средней школе. Василий — студент Львовского лесотехнического института, а Иван занимается в радиотехническом университете.

По недавнему времени в селе бытовала поговорка: «Сколько dochей родились у тебя, столько раз твоих хата горелых». Припомнилась мне эта поговорка не случайно. Работает в колхозе имени Горького семья уважаемый Василий Логва. У него три дочери, и все они при Советской власти получили образование. Старшая, Анна, окончила Ужгородский университет и теперь преподает литературу и украинский язык в старших классах школы, теперь работает мастером лесопильного завода в родных Карпатах и готовится поступить на заочный факультет лесотехнического института. Младшая, Ольга, получила аттестат зрелости, продолжает учиться. Она поступила в медицин-

ИХ СЛУШАЮТ ДРУЗЬЯ ИЗ КИТАЯ

В первом рядубульдозера сада зияет дорогое гости, посланцы великого Китая. Они приехали познакомиться с передовыми методами труда мастеров-сапожников и колхозников. Это китайские друзья. И сейчас, для многих из них встреча с карателиками фессырами и колхозниками, китайские друзья отдались во власть чарующей украинской песни, веселого и яркого танца. Но вот со сцены засучила китайской малодевки. И все поднялись, приветствуют гостей. Это гордость села, его добрас слова — самодельный ансамбль песни и танца «Боржава» исполнен песню житянского самодеятельного композитора Ли Ю-яня «Восток воспламеняется».

В ансамбле более 80 поющих и танцоров. Его организатор и руководитель, северодвинский поэт и композитор Амхан Машин, сумел создать замечательный тудожественный коллектив, в репертуаре которого более ста вокальных произведений и десятки народных танцев. Кроме украинских, русских и белорусских песен, артисты «боржавы» исполнят песни и танцы стран народной демократии.

За четыре года существования «боржава» дала около двухсот концертов. С самобытностью и блеском выступают жители всех сел Иршавского и других районов области, Ужгорода и Киева. Лучшие исполнители ансамбля выезжали на гастроли в Венгерскую Народную Республику. Теоретические успехи ансамбля не раз отмечались на областных и республиканских смотрах художественной самодеятельности.

...Об всем ли расскажем в этом коротком очерке? Безусловно, нет. Здесь отражена только неизначальная часть тех поистине величайших перемен, которые произошли за годы Советской власти в далеком закарпатском селе Довге.

Закарпатская область.
Иршавский район, село Довге.

СТАРШАЯ СЕСТРА

Рассказ

Публикуемый нами рассказ «Старшая сестра» взят из первых впечатлений молодой украинской писательницы Ольги Розовик. Она родилась на Киевщине в семье колхозников в 1925 году. Всю свою жизнь она занималась печатанием в журналах «Бичевина», «Украина» и «Змиинка».

Рисунок Г. Балашова.

«Сегодня Первое мая» — вывела я ранним утром в своем дневнике да так на этом и застыла. Отложила перо, чтобы брату Михаилу приколотить комсомольский значок, потом сбегала за водой, примерила новые туфли...

Все наши Карпушин просились в приподнятом настроении. Никогда еще в селе не готовились к празднику так, как этой весной. Сожженное и разрушенное во времена войны, оно было восстановлено и облагородлено. Было видно в такое утро: новые побеленные каты с молодыми садочками, по двоим подметанным дорожкам, алые знамена над школами в центре села, и солнце в высшем, и музыка, которую радио доносит до Карпушкина от самой Москвы. Так и хочется куда-нибудь бежать, ходить, петь...

Никогда еще карпушинцы так не ждали этого дня, потому что праздник был двойной: сегодня состоится первое звено электростроителей. Уже дрожали подвески, ветерок они зашевелился... Говорили, будет торжественный митинг, а вечером — гулянье. Из района самоиздательского театра приедут, да и своим драмкружковцам недаромnochдысили на репетициях. Приедут гости из соседних сел — их уже ждут.

Не успела я к зеркалу подойти и косы заплести (все наши — от отца до маленькой Лиз-

ки — такие собирались на митинг), как девушки налетели.

— Ты все еще дома? — удивились они. — Мы сейчас из школы, там почти все уже собрались.

Михаил, нарядный, сияющий, быстро прикрыл за собою дверь.

Девочки нетрепливо загадали:

— Ой, Гала, потолсталий! Эдак все на нас смотрят, как деревенские приедут и всяческо вонючими пахнут. А ведь интересно, венок дядки хвалили, говорили, что очень уж красивый, за цветами для него ак в долину ходили...

...Так пролетела весь день, полный радостей и впечатлений, которые еще не углеглись, и мне даже трудно все по порядку представить. Я снова сижу над открытым с утра дневником и думаю: с чего же начать?

Горячий воздух, синева неба, и новый свет был глаза — это также напоминает о переключении за день. В школе был утренник, строемшли к зданию электростанции, были на митинге, гуляли. Настроение было хорошее, ментальное... Правда, это настроение несколько омрачено воспоминаниями.

На митинге выступала Лиза Гребенчик, старшая пионервожатая школы. Она говорила совсем немного:

— Товарищи, у нас так много радостей сегодня. И я подумала, что за все это мы боролись, проливали кровь совсем еще недавно. Тех товарищи, которых не дожили, мы помним их... Мы обязаны все помнить!..

Я покрасела, и она, невысокая, худощавая, со склоненной головой, увенчанной фотографиями Одарки, которая когда-то тут жила, спала на этой кровати, учила уроки, говорила, радовалась.

Словно живая, все такая же молодая, с заплетенными волосами, такое же круглое с заостренными подбородком лицо и огромные лукавые глаза, которым так и проникают тебе в душу. О чём она тогда думала?

* * *

...Такое не забывается, оно только не всегда встаёт в памяти так выразительно, как сегодня.

Одарка была студенткой, жила в городе и домой въезжала лишь на каникулы. А когда началась война и в село пришли чужие люди в сапогах и штанах, Одарка уже постоянно была с ними. Их всех нас, мещан, поочек, тоже было больше, чем в деревне. Частенько брала к себе — эта комната через сени считалась у нас Одаркиной — спала вдвоем на одной кровати, и Одарка подолгу рассказывала мне тогда о книгах, о войне, об отважных подпольщиках.

Но с некоторыми пор все изменилось. Сестра стала запирать двери своей комнаты и все над чем-то там возилась. А то куда-то уходила, а то сидела, как будто в каком-то студенческом депо — совсем не бранилась. В таких случаях дочь чаще всего говорили, что Одарка скрываются, потому что как раз клевают для угона в Германию. Так-то оно так, но... закрдывались сомнения. Однажды я видела, как она в стоках кашни какие-то бумаги запрятала. Наверно, не простые каникнибудь, должно быть, особенные, иначе зачем было им так прятать?

А однажды я подслушала, как на таинственном острове одни загадки за другой. Гналась я однажды за куринцем и за навсегда насекомила на белье, Низенько разрешенное на жердочках. Да все какое-то мужское... Я удивилась: мы никогда там не разевали белье, да и ходили туда разве только случайно. С этой новостью я прибежала домой. Но когда мать кончила мыть посуду и мы снова поднялись за сараем, от белья и следа не осталось. Мне накричала на меня за выдумки, а я стала спрашивать: «Неужели мне это приснилось?»

Потом таких недоразумений было еще больше.

И очень уж они меня мучали, потому что оставались неразгаданными, таинственными. Скоро я почувствовала, что Одарка что-то знает, но скрывала.

Ну и пусть. Пусть, решила я, пока что дурчат меня, я и сама дознаюсь.

Ничего, однако, я не узнала: не одна же Одарка в голове. В селе я ту пору присоединилась к столько необычному! Почти каждый ночью появлялись партизаны, разоружали чайхану, вымывали из кухни кипятком шестнадцати складов продуктов, смело гуляли по селу, словно тут и фашистов не было и войны никакой. А наутро все, как в сказке, исчезали, утихали, оставляли одни лишь листочки, ходившие по рукам, да лягушата нынешности к непрошеным гостям. И все жили тогда только этим: друг другу передавали, рассказывали, добавляли к тому, что происходило, и кое-что от себя.

Ромашка! — это имя повторялось всюду и в проклятиях разговоров, и в басодах втихомолку, и в партизанских листовках, и в замысловатых объявлениях гитлеровцев о разыске партизанского военачальника. Когда возле скотного двора затевалась игра в партизан, между мальчишками всегда возникал спор, кому быть Загоруйкой.

Этого Загоруйку я видела еще до тепла. Он также был карпушинским, но где-то учился. Летом он всегда приходил к Одарке. Вроде как земляк, родной. Красивый парень, где бы он стоял такие героями! Хоть бы толком на него посмотрели! — покалекала я потом. Ну, может, что к приврал бы, но сколько же я могла бы тогда рассказать людям о знакомом, знаменитом Загоруйке!

Мне кажется, никогда не было такой жизни, как на той неделе. Вечером я почти большая принесла корову с выпаса: от зноного солнца разబолела голова, тошнило. В хате было душно, смущались соседки, и я забралась к Одарке. В ее комнате было прохладно, от матраса пахло свежими сенами; я завалилась на кровать и не почувствовала, как уснула.

Позднее меня кто-то будил, бубнил над ухом: «Вставай! — но вставать не хотела и меня заставили покос. Сквозь сон я еще слышала, как Одарка отодвигала мои ноги к стене, что-то пробормотала, а потом и сама легла.

Ноны я проснулась оттого, что меня кто-то потягивал по щеке. Маленькая, нежная рука сестры — я сразу же узнала. Но не успела я отозваться, как Одарка отвела руку и тихо кому-то сказала: «Нет, ничего. Спят. Утром».

Мне словно холодной водой обдало: «Вот она, наконец-то, вот она тайна!» Я даже дышать перестала, прислушиваясь. Чертюшка только раскрыла глаза и осторожноюко повернула голову.

В комнатах было тихо, темно, даже окно нельзя было сразу различить. Где-то далеко гремел гром. Вдруг на фоне окна вырисовалась человеческая фигура и опустилась на край стола.

— И же ты? — спрашивала Одарка. — Сегодня пришла в Карпушин?

Только что. Хлопки разошлись по нестам, а я зажевал к тебе. Остаток сегодняшней ночи мой.

— Уже с задания?

Мужики промолчали. Теперь уже совсем близко прогремел гром, надавливая грозы.

— Нет, беспокойся, я не голодный, — поспешно отозвалась она. — Иди сюда. Расскажи, как ты тут.

Она приближалась ко мне.

— Что я? У меня все в порядке. Четверку новичков получили? Они и не догадываются обо мне, полагают, что это кто-то из наших побывал на развалинах сущимы! Дошли без приключений?

Молния извилистой линией разрезала не-бо и ослепительно скользнула по оконному стеклу. Одарка отстранила с стороны.

— Ты же знаешь, что тут.

— Загоруйко! — будто кто выстрелил в меня этой фамилией, я даже вздрогнула. — Он самый, живой Загоруйко! —

— Видишь, я еще грозы боюсь, а ты меня партизанкой называешь, — промолвила Одарка.

— Это ничего. Главное, Даешенька, что ты хорошая...

Я смотрела на его голову, на профиль лица, чуть повернутого ко мне, и мне страшно

хотелось увидеть его глаза: какими они тогда были?

— За рощицей вы забрали толп! — заговорила опять Одарка. — Лида обещала на диях разведать. У одного ту пулемет имеется. Поломанный, что ли. Но может пригодиться?

— Ничего не слышала. Сейчас, вероятно, не будет...

— Нет. Машинка никуда не годится. Больше от руки пишем. На той неделе думаем в городе побывать, может, и в типографию кто заскочит.

— Ромаш! — почти крикнула сестра. Ты знаешь, что там стоит немецкий батальон? У вас что-то неслыханное?

Мне очень понравилась его речь: уверенная, решительная, будто она все на свете знает. Словья выговаривал легко, но четко.

— А о батальоне мы знаем. Да наши силы растут с каждым днем. А знаешь, Даешенька, радиоприемник я ас-таки достал.

— Правда?

— Ездил за тридевять земель, но привез. Волода может, уже сегодня сажается с Большой Земли. Вернемся — и свежие новости уедут буфером.

Дождь нещадно грохотал по черным стеклам окон; удары грома раздавались почти одновременно со вспышками молний. Вдруг за садом что-то с треском раскололось и с кроткой злобой ударились о землю, озарив все до жути ярким светом. На какой-то миг перед моими широко раскрытыми глазами вспыхнул самый главный партизан Загоруйко: блестящие волосы, глубоко сидящие зеленые глаза. Помимо волос мелькнула мысль: «А что, если вдруг мне все это снится? Но шевеляться побоялась, притихла, как мышь».

— Куда-то, должно быть, угодило, — пропела Одарка.

Он повернулся ко мне.

— Не видать! Какие досады! дождь этот поможет им заснуть гуашь!

— Подорвали?

— Разумеется. Как же иначе? — Тут, показалось мне, Загоруйко улыбнулся. — Теперь цепь не должна повиснуть. Что-то она у них все дорожает!

Беседого тут мало.

— Зато приятно. Значит, фашисты тебя боятся.

Одарка хрюстнула пальцами.

— И не представляешь себе, как за тобой охотятся. Берегись, Ромушка.

— Ты бомбшик?

— Надо быть осторожным. Смерть подстерегает на каждом шагу. Если наши скроются под землей, — Голос в дикомоке. Ты такой горячий, так пренебрегаешь опасностью, и это может погубить тебя... Ой, Ромашка! — В порыве сестра так громко крикнула, что он даже на кровать отскочил (в вросла в подушку) и попросил говорить по-тише.

Она умолкла, тяжело дыша. Загоруйко тоже задумалась. Я перекинула не меньше их и спросила, что в этой тишине сердце меня выдаст.

— Нет, — сказала же я в землянке! — — взорвалась она. — Я, Даешенька, взялужена! Ты сама это прекрасно понимаешь, Борьба с врагом этого требует!

— Я знаю, знаю. Да тебе все же терпится, много лицензии авазиша на себя. Ты с какой-то фанатичной уверенностью думашь, будто там, куда нога твоя ступает, смерть нет никакой. Мне известно о твоих разведдаках, о твоей прогулке по Днепру и встрече с ними. ПРОШУ ТЕБЯ...

— Добро. Буду осторожнее, обещаю, — неожиданно властно. — Загоруйко и повернулась к нему, и та боялась смотреть на него.

— Кажется, нет. Вообще... — Поминаешь, — Одарка замялась, — раньше никто не знал о нашей дружбе... Никому и в голову не приходило. Даже наши, кроме Лиды, не догадываются, что я тут главный ключ к лесу.

— Это хорошо... — Загоруйко протянула руку к Одарке, но она отстранилась. — Ну, подойди, доколе будешь такой! —

Она затихла, не двигаясь. Тогда он легко скосился со столика и исчез в темноте.

— Тяжело тебе, Дашок? Все беспоконься! — несколько погодя услышала я.

— Мне-то что? За тебя страшно. Я боясь, боюсь подумать, что, когда настанет долгожданный час и солнце у нас взойдет, ты... — Шепот ее оборвался.

Его голос был склонен.

— Ну здорово, думать так мечено! Будешь лучше, верить, что увидишь алые э занавесы и что все кончится победой, жизнью. А когда уж так не получится... — Вспыхнула снова тишина. — Тогда... надо, милый, думать, что будем мы не зря, что жизнь будет отдана за главное — за победу, и мы душу будет легче... Как терзаешь, как ранит душу этот родной опустошенный край, эти порабощенные, измученные люди! Это же наши люди, гордые советские люди! Нельзя, нельзя допустить, что-

бы их, как скотину, минутом стегали! Да что там жизни!.. Ты не забыла Остроевского: «Помни, что кроме личного у нас есть гораздо более важное — это борьба и честь нашей Родины».

Меня давно уже душили слезы, и я едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться во весь голос. Так я и сидела, какая-то отважный, бесстрашный, этот Загоруйко.

Он еще о чём-то говорил, поздравляя, — я верю, что доживем... Я очень люблю сады, сады в цвету, запах налетом земли, — взволнованно и искренне говорил он. — Мне бы не на машиностроительном учиться, а по стопам Мирончука идти. Там, в грядущем, будет много садов, много новых светлых зданий, и люди будут красивые, сильные, закаленные.

Знаешь, мне вот до боли работать хочется, я бы сознавал все новые, особенные, красивые...

Загорюко уже стоял окно, почти заслоняя его собою, и глядел в черную, грязную ночь.

— Но все это мечты. А сегодня нужно быть оккупантами.

Две часы к не успев время разглядеть: зарина в тот миг погасла.

Скоро светать начнет.

Одарка опомнилась:

— Ты уходишь? В такую непогоду...

— Ничего, там есть куда укрыться. У тебя останься на день нельзя.

Она осторожно полезла под кровать, чтобы достать оттуда, завернутую в чернов и тут же перевернула.

Потом она стояла где-то около меня, и он называл ее, как менять пароль, как доставить пульт, давал адреса новых связей.

— Знаю. Будет сделано,— деловито сказала она.

Помогла ему плащ надеть, открыла окно, из которого потнуло сыростью, сквозь воздушом. Он почему-то пригнулся, я, может, и не догадалась, но заринца помогла... Одарка писала на его плече. Застыдившись, замахнувшись, когда снова глянула, уже было темно.

Вскоре Загорюко ушел, а она, облокотившись на подоконник и подставив лицо ветру, долго еще смотрела ему вслед...

На другой день я избегала взгляда сестры. Она это заметила. Когда мы остались взадом, взяла меня за подбородок и заглянула в глаза. Разумеется, тут уж ничего не скроишь.

— Ты все слышала? — Одарка смотрела не сердито, а я только хлопала глазами и отмахивалась.

Что тут было говорить! Не виновата же я в том, что случайно проснулась. Сестра немедленно притянула меня к себе в шапотом, как в ту ночь, спросила:

— Ты почему не скажешь? Нет, не скажешь. Ты ведь не маленькая, знаешь, какая это тайна. Если ты где-нибудь скажешь, что он ко мне ходит, это выследят, поймают и... повесят.

Она меня напугала.

— Да я никому, никому! Ей-богу, не скажу, кланусь! — А потом вспомнила соседнего парнишку Ленку, который берег красный галстук, и попривыкала: — Честное пионерское.

— Ого! — удивилась Одарка. — А ты помнишь, что значит дать такое слово?

И она просто, понятно обняла меня, что означает это слово части, какую силу таит она в себе. А после призналась мне:

— Я тоже слово дава. Слово партизанской клятвы. И кто его нарушит, тот изменник. Знаешь, что ты будешь?

Быть изменником с ней не говорили ни о той ночи, ни о партизанах. Но я, как заспавшая, все поняла. Я уже не представляла себя обитателем таинственного острова и даже Одарке ни сказала, что под окном увидела следы чужих сапог. Взяла веник и сама быстро замела их.

Но однажды Одарка исчезла. Ждала дены, другой, а она все не появлялась. Никола уже думал, что ее, быть может, отвезли в Германию, или же она выплыла в море, еще больше пугая нас. Сашин сомнения пытались рассеять дед, который воображе-то сразу засмеялся в домашние дела.

— Одарка скрывается, — успокаивал он. — Узнала, что будут ловить и скрылась. Но вы и не думайте кому-нибудь письмо вы от этого.

Потому что, когда станет известно, к нам придут с обыском в первую очередь. А там, гляди, не будет старшей — заберут кого-нибудь из вас. И ты не хны, что же это она у тебя, маленькая или сперва из дома ушла?

— Крикнул дед на меня, — и Одарка склонила голову.

Мы сестрицы вспомнили несколько дней, когда Одарка снова не появлялась. В это утро я почему-то поздно встала. Вышла во двор и вижу: она сидит на вороте убранной фасоли и очищает ее.

— Ты почему так долго спишь? — встретила она меня.

— Да так... — смущаясь, забормотала я, и, радостная, подбежала к ней ближе... и не узнала.

Глаза грустные-грустные и какие-то незнамые, застывшие, а сама бледная, исподволь, как после тяжелой болезни. И фасоль она лучше всего любила, бы что бы буди делать. Напекла полную горсти, потом как бы из взвеси на ладони, безразлично разложила пальцы, и фасоль покатилась...

Мне так и не удалось узнат, куда она ходила, отчего так усталла. Подошел дед, дети прибежали — помешали нам. А позднее, когда я прижалась к Одарке, как-то само собой вышло так, что не успела я и слова сказать, как вся она вдруг задрожала и заплакала — горько, безутешно, обливая меня

своими горячими слезами. Сердечко мое испуганно затрепетало: что-то случилось!

— Галочка, сестрица моя маленькая! — прошептала она и не удержавшись, снова зарыдала. — Того, который нончо... по-минишк... Теперь уж нет. Его нет...

Из того, что она сказала тогда, глубже всего я запомнила ее слова: «Сестрица моя...

Только на другую ночь она взяла меня к себе и, как взрослой, рассказала все по порядку... Загорюко со своей группой был на задании — топил фашистские баррикады, которые должны были отступить к Германию с награбленным у нас хлебом. Все уже было сделано, и им пришлось охраняя замытка партизан, и им пришлось принять боя. Так и ранено его. Гардске передала о случившемся через связной, и он побежал туда; застал ее еще живую, но незадолго до кончины. Похоронила и по приказу командира отряда вернулась домой.

— Сказал он что-нибудь? — допытывалась я, вспомнив его голос и сказанные им красивые, ясные слова.

— Ему трудно было говорить.

— А тебе узнал?

— Меня?.. Узнал. Вспоминал свою мать... И все вспоминал свою мать, не выпустив измысли из одного фантика.

— А тебе, тебе что он сказал? — почти зачрикала я сквозь слезы, но сестра уже молчала...

Я живо вспомнила грозовую ночь. Стало нестерпимо больно.

Через месяц на нашей дороге загрохотали родные советские танки... Одарка, спрятавшись от горя, радостно встречала их. В дыме и пыли, в которых она сидела, блеснули ее глаза, всем светом чистого изоражения. Фашисты запрудили. Недолго спустя Одарка куда-то съездила, вернулась домой и заявила, что эвакуа ей снова в путь-дорогу... и, может быть, надолго.

Помню, по утрам свежо было, а ночами подмораживало. Кое-как одевшись, мы всей семьей вышли на дорогу, чтобы проводить Одарку. А она весело разговаривала с машинами, солдатами, с теми, кто с нами распрошалась, одной мне так сказала: «Если я не вернусь, ты не забудешь меня!»

Я склонила голову и лишь головой кинула. Она остановила попутную машину, ловко вскочила в кузов, легкая, подвижная, в темном осеннем жакете... Помутнелишим от слез глазами я проводила машину, пока она совсем не скрылась в клубах пыли.

Одарка, как я позднее узнала, имела подголовник, наполненный синими и ушла на фронт, в действующую армию. А то лицо-ниче — последнее воспоминание о сестре. Встретить ее нам уже не довелось.

...В свете электрической лампочки все вокруг кажется неестественно ярким, новым. От пальцев моих не белый листочок тетради падает какая-то причудливая тень.

Все и линии уже не видны, строчки полны кривых наползших друг на друга линий. Я, сидя, горячие потоны, слышу слова: «Одарка, сестрица! Сегодня в Карпушин праздник... Солнце щедро заливало своим светом землю, пылали знамена, звенели пушки. И было много цветов, раненых, звезд, любви и ты их. Самый красивый, с тюльпанами венок мы возложили на могилу своего Роддена...

Сияние у нас засверкало ярко, огни побежали. Это о них мы с Романом мечтали в ту памятную ненастную ночь. Они загоревшие без влас, и потому, может, они такие яркие, что в них пылают ваши сердца...

Я уже выросла. Стала, как и ты, комсомолкой и во всем, во всем старалась быть похожей на тебя... Если бы ты могла сегодня хоть на минуточку взглянуть на меня или услышать, как мы хрюкаем поем:

И в труде и в счастье
Мы прославим Отчизну свою...

Сестрица, родиная, мы не забыли тебя. Молодая, юдомовенная, ты всегда с нами, в наших сердцах.

Этот снимок сделан в 1922 году, в день окончания Александром Щербанием (крайний справа) Полтавского профессионального училища.

КОМСОМОЛЕЦ ИЗ ДИКАНЬКИ

— Читали?

Александр Назарович Щербань, вице-президент Академии наук УССР, прогнулся над письмом: «Правда Украины», в котором были опубликованы два письма: выпускника Могилевской средней школы Хмельницкой области Иванова и старшего лейтенанта военно-воздушных сил Гончарова. Восхищаясь достижениями советской науки в связи с запуском искусственного спутника Земли, авторы письмами просили зачислить их участниками первой космической экспедиции.

— Признаюсь, — сказал Александр Назарович, — письма эти тронули меня до глубины души. Ведь в них во всем величии и красоте раскрывается душа нашего советского человека. Невольно испытывавший огромную гордость за своих замечательных соотечественников, готовых отдать свою жизнь за великую Родину... И вот, раздумывая над письмами членов экипажа, по дорогам мне людей, которые в недалеком будущем, я верю, откроют путь во Вселенную... — продолжал ученик, — я как бы огнившись на свое прошлое. Ведь и я, человек, познавший радость только при Советской власти, кажется, чем-то был похож на этих молодых людей.

И Александр Назарович рассказал о себе: — Да, из них не зачитывалась «Вечерами на хуторе близ Диканьки»! Так вот, в этой самой воспетой Гоголем Диканьке, на Полтавщине, я родился.

Семья наша жила в полуразвалившейся лачуге, которую оставил отцу, железнодорожному смазчику, дед. Вместе с лачугой отец уплатил налог и инщету... Ртов в семье было много, а хлеба мало. Вот и пришлось мне бросить школу и взяться за чужой скот. Продолжил же я образование удалось только после Великой Октябрьской социалистической революции. Одноднадцатилетним парнем я пошел в начальную советскую школу.

Окончив в 1921 году учебу в Диканьке, поступил в Полтавское профессиональное училище. Здесь стал комсомольцем... Через три года меня, получившего специальность помощника механика, направили на Полтавскую

электростанцию. Но пробудил я там недолго: вскоре по комсомольской путевке уехал в Донбасс.

На макеевской шахте «София-вертикальная» я впервые надел спасовую горничку, получив шахтерскую лампочку и начав работать плафонистом. Тяжелый труд, борьба... Помимо тысячи раз приходилось выполнять одну и ту же операцию: прицеплять к канатной откатке вагонетки с углем и породой да отцеплять порожнины, который подавался под погрузку...

Как-то brigadier, старый шахтер, подозвал меня к себе и сказал: «Что ж, Сашко, плютые ты поработал достаточно. Пора становиться конюхом». И стал конюхом, затем бурильщиком, запальщиком. За пять лет овладел всеми видами специальностями. В 1927 году по рекомендации комсомольской организации был принят в партию.

Однажды вызвал меня к себе председатель шахты и говорил: «Как, Щербань, учитель не передумал?» «Да я бы с радостью», — отвечал. «Ну, тогда поедешь в Днепропетровск. На инженера вычишьши — и абы обратно, на шахту».

Тепло проводили меня друзья-шахтеры, поскольку учили я ученика.

— Это в 1934 году. В актовом зале Днепропетровского горного института мне торжественно вручили диплом инженера-шахтостроителя. В те минуты казалось, что здесь, в зале, сидят и мои друзья-шахтеры, что и они разделяют мою радость. И как-то особенно захотелось вернуться на шахту, давшую мне путевку в жизнь... Но меня направили в Днепропетровский трест «Доншахтостроект». Здесь я начал проектировать и строить новые шахты.

Был период, когда я, будучи инженером, изучал многие горнорудные посадки, исследовал несколько глубоких выработок, собрал десяткий материал, который помог мне защитить кандидатскую диссертацию на тему «Температурный

Вице-президент Академии наук УССР Александр Назарович Щербань.

режим глубоких шахт Донбасса». С тех пор все свои усилия я направил на решение этой проблемы, от которой зависит здоровье, а порой и жизнь шахтера. Но моя плани и замыслы нарушены войной.

Я ушел на фронт, стал командиром артиллерийской батареи. И в 1943 году был ранен в Днестре и в Тирасполе, под Москвой и в Сталинграде. Мне выпала великая честь освободить города и села родной Украины. Войну я закончил в Праге...

Демобилизовавшись, приехал в Киев и получил назначение на должность заместителя директора Института горного дела Академии наук УССР. Перед мной снова открывались широкие возможности продолжить научную работу, прерванную войной. Через несколько лет защитил докторскую диссертацию о тепловых и термодинамических процессах в угольных шахтах Донбасса.

В последние годы в моей жизни произошли большие события. За успехи в научной деятельности я был награжден орденом «Знак Почета», меня избрали ученым секретарем, а недавно вице-президентом Академии наук Украинской ССР.

Помимо всего со своей жизнью, Александр Назарович сказал:

Как-то Академии наук Украины представила группа белорусских ученых-горняков. Принимать их пригласил мне. Я рассказал иностранным коллегам об успехах советской горной науки, о теоретических плавках наших учений и между прочим упомянул о работе над созданием прибора-анализатора, способного автоматически определять содержание метана в рудничном воздухе, предупреждать образование взрывоопасной смеси...

«Это слишком долгий рассказ, — заметил руководитель делегации. — Уже писчеслаетят все ученым всего мира пытаются создать подобный прибор, но пока все их попытки остаются тщетными». «Думаю, что такая задача под силы нам, советским ученым, — ответил я. — Это действительно дерзкая идея. Но разрешите заметить: стиль советской науки — дерзание...»

С тех пор прошло несколько лет. Все это время я занимался этим. Формально трудились над созданием метан-анализатора. И результаты уяснялись успехом. Этот прибор, установленный на многих шахтах Донбасса, показал отличные результаты при испытании, и его принятия на вооружение в угольной промышленности страны.

Между прочим, за границей решили поспешировать на нашем изобретение. Несколько видоизменения конструкции советского прибора, британские и французские фирмы по производству газоизмерительной аппаратуры начали выпускать подобные приборы, называя их «анализаторами метана». И это, конечно, чиняла о его авторах... Кстати, белорусы смогут увидеть метан-анализатор в своей же стране: в апреле будущего года прибор будет демонстрироваться в Советском павильоне на Брюссельской международной выставке.

Наша беседа подходила к концу.

Александр Назарович взял газету, слова проежах глазами заметку и сказал:

«Да, я понимаю то, что вы испытываете желания Иванова, Гончарова и сотни их сверстников. Ведь в нашей стране сбываются самые смелые мечты... — Он улыбнулся и добавил: — Мечтая же когда-то простой паренек из Диканьки стать инженером... И вот — стал даже академиком!

г. Киров.

Л. НЕЛИН

Ю. Лахов. В дни великих событий.

Выставка произведений художников РСФСР. 1957 год.

Учебный год начался не совсем обычно.

Ранним сентябрьским утром, когда московские дворники еще мели тротуары, с факультетского двора МГУ отправлялись грузовики, легковые автомобили, различные матрацы, ведра, различные железные баками и прочей дорожной утварью. По борту машины алея красное полотно с веселой надписью: «На уборку целины, а не к теще на бани». Это уезжали студенты на далекий Алтай.

У дверей теплушек бурлил комсомольский народ. Произошли речи на возникшем тут же языке. Деканы факультетов, профессора и родители давали последние указы отъезжающим.

Гомон и суету энтузиастов, разгоряченных предстоящей дорожной, обозрал паровозный свисток. Эшелон тронулся.

Многим молодым людям, заполнившим вагоны, вспоминались эти минуты шумных споров на комсомольских собраниях — споры о новых формах работы, которые могли бы раз и навсегда изгнать из жизни студенческими вузами остатки формализма и скучки. Но как часто после того, как бывали переломами все копья, скуча и формализм снова выполняли из всех щелей! Каждому было ясно: не хватало чего-то главного, существенного. И вот здесь, в эшелоне, почти сразу само собой стало очевидным: просто не хватало участия в больших делах и заботах народом.

Разные люди ехали на восток. Одни уже успели приобрести жизненный опыт и знали, как добывается хлеб насущный, другие впервые из теплых московских квартир, институтских аудиторий попали в вагон-теплушку. Но молодежь встретила эту первую встречу с ярким энтузиастическим возбуждением. Ведь ни одно даже самое увлекательное путешествие не могло сравниться по своему значению с поездкой на целину. Ярко и навсегда входила она в биографию, в судьбу каждого ехавшего на уборку урожая.

По шумным и серезным надписям, разбросанным вперемежку с сухими, малоподъемными надписями железнодорожников на стенах вагонов, можно было без особых усилий понять настроение студентов.

«Сегодня на целину — завтра на луну!» — написали философы. «Вперед, братцы! Нас мало, но мы — журналисты!» — гласила другая надпись. Математики бросали вызов: «С честью взвозим трудный интеграл: творческо-романтика, упорство, дружба, труд!» А какой-то рапсовый парень суммировал чувства, мысли всех, с махом черпнул мелом по красным доскам вагона: «Хорошо!»

Эшелон шел на восток. Позади остались подмосковные поля, чащобы муромских лесов. На рассвете нового дня промелькнули тихие азриамские огни, а дорога уходила все дальше и дальше, мимо Казахии, через Уральский хребет в Сибирь, к южному узлу уединения, и дорога с шумными остановками, кипятком, песнями и позыванием кружек, со всей ее ни на что не похожей романтикой входила

в норму, становясь бытом. И только дощатые стены вагонов, расписаные вдоль и поперек мелом, несли на себе сквозь поля и леса Родины красноречевые следы первых радостей двух тысяч молодых душ.

ПОПРАВКИ К РОМАНТИКЕ

К исходу шестых суток, когда за березовыми перелесками Алтая дрогнул короткий закат, эшелон прибыл к месту назначения. И вот разъехались отряды студентов по алтайским селам. Большая группа в пятнадцати человек заночевала в своих вагонах на станции Усть-Тальменка, чтобы на рассвете отправиться на машинах за сотни с лихвой километров, в колхозы соседнего, Залесского района.

После яркого солнечного для ноября дня, когда ли не с морозцем почва всем показалась необычной. Но никто не оставил другого, кроме привычки с алтайским контрастами и, теснее прихватываясь друг к другу, устраиваться на ночь.

Кое-кому не хватило места на нарах. Дежуривший в это ночь очкастый паренек в телогрейке, Митя Лобачев, устроил «обиженных» на рюзаках, заботливо укрыл их плащами.

— Уходит. Не продруется? — спрашивала он.

Ею ночь, громыхая по рельзам, шли поезда, где-то рядом вскрикивали маевровые пароносы, а на западном пути в теплушках посыпалась утомленная «зелень».

...Горнострой проиграл зорю. В сумеречном, зябком рассвете громыхнули тяжелые двери теплушек. Вываливались рабочие, распахивали двери народ. Уже с зевом, с яркими глазами, в каких колхозах будут работать. Оставалось только погрузиться в машины да тrottаться в путь.

Шумный эшелон растаял, разлился ручейками по алтайской земле. На огородах, в ровках у колодезей затяпливались крохотные башни. Они были лучшими градами после долгой дороги.

Вокруг деревень, в окрестных лесах, березовыми колхозами лежали еще склоненные пшеничные острова. И потому, что залесованные деревеньки и пшеничные острова как-то по-домашнему ютились между березовыми пролесками и мало походили на безбрежные хлебные просторы, и потому еще, что в бригадах, по колхозным хатам или где-нибудь в промысленном поселке обитали срубные хаты, а не землянки с энциклопедией, а по десять — двадцать человек, в первый же вечер откуда-то потянуло грустью, а может быть, и разочарованием... Жизнь вносила свои поправки к романтике...

Утром студенты отправились на ток. Там, на воронках зерна стояли велики «скледтоны» и сортировочная машина. Нужно было педерком или железным сковоком-плицей насыпать зерно в bunker машины,

Фото Л. Лебедева и В. Степанюка.

ИНТЕГРАЛ ЮНОСТИ

В. РОСЛЯКОВ

На снимках (сверху вниз): деревня Муравьев, где нынче одна из бригад — студентов, — энгипсонский уголок Алтайской степи.

Каждый день — это то же самое: пришли на элеватор десятки тонн очищенного зерна...

Студенты на уборке урожая готовят вкусные обеды и сами развозят их по бригадам.

а с другой стороны сгребать очищено зерно в новый ворох.

— Да... — неопределенно задохнулся кто-то из ребят.

Вместе со студентами на целину прибыл из Москвы любопытный пакет. Молодой красавец в разглаженных брюках и белоснежной косоворотке стоял по пояс в колючих птицени и, одной рукой опираясь на лопату, другой зачем-то указывал на бескрайнее море хлебов...

Конечно, не совсем так предстало себе большинство студентов: жизнь на целине, сбиваясь принять участие в битве за хлеб. Однако никто из них и мысли не допускал, что придется пользоваться обыкновенным ведром и обыкновенным совком, какими убирают московские дворники и опавшие листья с mostov.

Это была еще одна поправка к романтике.

Но вот заработали машины, к очищенному воронью подкатила трехтонка, автогрузчик быстро наполнил ее зерном, и две девушки-студентки восторженно заудыбились с груженого кузова машины. Они были спасателями, членами комитета вспомогательных артелей со склонами хлебом. А к вечеру оказалось, что за день можно перекидать немало зерна обыкновенным совком. С непри вычки вела спина. Но в этой усталости было что-то такое, от чего не хотелось ложиться спать. Хотелось посидеть на кухне, у огонька, попеть песни.

С радостью удовлетворением замечали ребята, как медленно валили в тачки кое-как быт в колхозный труд. Сюроюноши и девушки уже сомневались над своим наименем представлением о герониме и романтике.

РОМАНТИКА БЕЗ ПОПРАВОК

На полусыпь тесамоки, на разостланых матрацах, в оживании ночной смены лежал Женин Зайцев, Валерий Бакуненко и его друг Валерий Платонов. У входа, на хозяйском сундуке, в неизменной соломенной шляпе и с неизменной улыбкой на широкосуровом лице сидел Алексей Любшин.

Женин Зайцев — бригадир. Он постарше своих товарищей, и уже успел пройти нелегкую школу жизни. Говорят бригадир медленно, рассудительно. Он постоянно поглощен заботами о делах бригады, превыше всего на свете ставит порядок, учет, принципиальность. Однажды бригадирский браслет сорвался, видавший удовольствие. Это заметил даже по внешнему виду его, по степени походке. И только стаки, которые он любит и сам сочиняет, на первый взгляд не вижутся с его характером. Но это на первый взгляд. На самом же деле под внешней суховатостью Зайцева скрывается добродушное, чувствительное сердце. Все это, вместе конечно, на фоне звучавшего во всем предметом шуток и остротиков для неизгомонной юности. Вот и сейчас ребята явно в веселом настроении.

— Все же нескромно, Евгений Павлович, — говорит Алексей Любшин Зайцеву. — Сам написал об ударной почте заметку в районную газету и себя же там восхваляешь...

Женин с минуту смотрит на улыбающегося Любшина, ста-

рется понять, шутят тот или говорят всерьез, и начинает опровергнуть, доказывать:

— Скажите, ребята, что же тут нескромного? Работали? Работали. Почему же не написать? Бригада наша лучшая...

Ребята смеются.

— Странный вы народ, — говорит Женин Зайцев. — Только бы посмеяться. Давайте-ка на ток. Пора.

В темноте, окраинной улочкой, ребята идут на смену. Задышав, струят впереди с карханным фонариком.

На току, среди машин, мешков и куч зерна, слабо освещенных электролампой, колотятся фигуры маленько-го трудолюбивого Коли Монахова, хрупких, с усталыми, запыленными лицами Кости Юзбашевой и Наташи Семёновой.

Не останавливая машин, новая смена заступает на свою места.

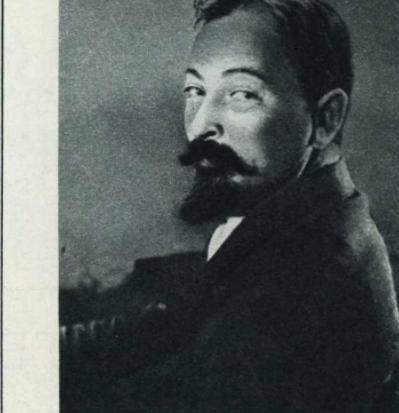
У «клиента» обычно стояли четыре колхозника. Трое из них обслуживали зерноочистительную машину «ОСТ-3», и вырабатывал каждый не больше двух трудодней для смены. Зайцев в первый же день увидел, что людей у этой машины излишне. Оставил три «клиента» ближе к «ОСТу», так, чтобы зерно из-под веялки можно было подавать прямо в бункер. Работать здесь стали только три человека: один же лезней плащ засыпал зерно в конвейер «клиента», другой отгребает его из «клиента» и одновременно наполняет бункер «ОСТА», третий — зерноочистительной машиной излишнее зерно. Через каждые полчаса ребята меняются местами. Ни перекура, ни застаков, ни обедов. Зато выработка из каждого поднялась до семи трудодней. Вот об этом и написал Женин Зайцев в районную газету.

...Шумят машины, чутко поскрипывают сидя. Над всем Алтай — яркое звездное небо. Старики стоят в окнах, смотрят на ток.

Где-то не очень далеко во второй бригаде так же орудуют плинами ребята из бригады Коли Зеркина, в двадцати километрах не спяточные смены Митя Лобачева, Лыза Травкина, Валя Широкова и многих других.

По всем ногтям дорогам скрипят на вышибных гру兹овиках с хлебом. А в кузовах, на теплом зерне, сидят, кутаясь в стеганку, будущие кураторы, физкультурники, будущие тараканы, будущие младтуристы, другие листья, благороднейшие борцы коммунистической революции.

Жизнь «железного Феликса» — ярчайший пример беззаботного служения делу партии и народа. Нам удалось получить от пламянницы Феликса Эдмундовича, Владиславовны Дзержинской, несколько ранее не публиковавших фотографий, которые помогут молодежи ярче представить себе обаятельный образ «верного рыцаря пролетариата», о котором Маяковский писал:

Ф. Э. Дзержинский. Май, 1926 год.

«ВЕРНЫЙ РЫЦАРЬ ПРОЛЕТАРИАТА»

И сполнилось сорок лет со дня образования ВЧК — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и sabotажем. Первым председателем ВЧК был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский — «герой буржуазии, благородный рыцарь пролетариата, верный рыцарь коммунистической революции».

Жизнь «железного Феликса» — ярчайший пример беззаботного служения делу партии и народа. Нам удалось получить от пламянницы Феликса Эдмундовича, Владиславовны Дзержинской, несколько ранее не публиковавших фотографий, которые помогут молодежи ярче представить себе обаятельный образ «верного рыцаря пролетариата», о котором Маяковский писал:

Юноши,
обдумывающие житье,
Решающими,
делать бы жизнь с кого,
Скажи,
не задумываясь:
— Делай ее
С товарища Дзержинского.

ЧЕРЕЗ ТРИ ЦЕНЗУРЫ

Из сорока девяти лет, прожитых Ф. Э. Дзержинским, одни лишь лет семь ему пришлось провести в тюрьмах, на каторге и в ссылке. Чкаловская охранка все время преследовала бессстрашного большевика. В 1912 году он снова был арестован, но лишь пять с половиной лет находился в каторгах тюрьмах Warsaw, Орла, Москвы.

В мае 1916 года закончился срок пребывания Дзержинского в тюрьме. Но его не выпустили на свободу: царские сатрапы составили новый обвинительный заключение, по которому суд приговорил Дзержинского еще к шести годам каторги.

В то время его жена и товарищ по партийной работе София Сигизмундовна Дзержинская вместе с сыном жила в Швейцарии, куда эмигрировала после побега из Сибири (она была приговорена к пожизненной ссылке). И вот на несколько дней до суда, 1 мая, Дзержинский пишет жене открытку из московской губернской тюрьмы на Таганке.

Когда он хотелось сказать в этой открытке о том, что он скончался от родных, что верит в близкую победу революции, что здоров и потому пусть о нем не беспокоятся... Но как уместить все эти мысли и чувства на маленьком листке? Тщесерый режим был строг: только одно письмо в месяц мог посыпать заключенным, и писать разрешалось только о служебных, личных, семейных делах. Присыдались прибегать к «язополовым языкам» — языкам иносказаний и намеков.

София Сигизмундовна Дзержинская рассказывает:

— Три цензуры просматривали письма Феликса Эдмундовича, прежде чем они доходили до меня. Сначала цензоры, потом жандармы и, наконец, военные. Жандармы — нередко жестоки. Каждый из них, пропустив письмо расторгом, длился, чтобы проверить, не написано ли что-нибудь между строк симпатическими чернилами.

КАБИНЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЧК

Почти пустая комната — только кипящий ковров на дне железной сидячей кровати за ширмой. Больше нет и другой мебели в этом скромном кабинете председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского.

Работа отнимала у него много времени, он забывал о сне и отдыхе. С трудом удавалось уговарить его отдохнуть хотя бы несколько часов. Он спал тут же, в кабинете, на узкой железной кровати. В декабре 1920 года Феликс Эдмундович писал жене:

«Мы — солдаты на боевом посту. Могут войти победы и, несмотря на то, что мы сами редко можем увидеть убийцу на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю».

В постановлении ВЦИК о награждении Феликса Эдмундовича орденом Борового Красного Знамени говорилось, что Дзержинский постоянно ставил интересы рабочего класса превышающие всех иных соображений и чувства.

Двери кабинета Ф. Э. Дзержинского были всегда открыты для посетителей. Родовой чест, щепоть, уборщица, если им нужно было посоветоваться с Феликсом Эдмундовичем, входили сюда запросто, без доклада.

О том, как «железный Феликс» относился к подчиненным — независимо от их должности — видно из записки, которую показали нам Софья Владиславовна Дзержинская. Этот Феликс Эдмундович прислан ей в 1920 году из «Дорогая Зося! Прости, что я сам не прихожу, но мне абсолютно не хватает времени. Псылаю своего Сорокина. Это мой друг, и одновременно друг, который здесь обо мне заботится».

Как бы ни был занят Дзержинский, он всегда находил время для бесед с молодежью, проявляя живейший интерес к деятельности комсомольских организаций ВЧК. Старый чекист Михаил Павлович Шредер, бывший секретарь организатором комитета комсомола ГПУ (так в 1922 году стала называться ВЧК), вспоминает:

«Публикуется впервые. Ред.

— В кабинете Дзержинского можно было встретить комсомольцев, с которыми Феликс Эдмундович подолгу беседовал. Будучи в курсе всех комсомольских дел, он давал советы и нам лично и через партийную организацию о том, как нужно воспитывать молодых чекистов в духе преданности марксизму-ленинизму. Он привил нас важнейшему делу — борьбе с детской беспризорностью. Я знаю сейчас многих бывших беспризорников, ставших настоящими людьми. Этим они обязаны отеческой заботе Дзержинского.

Михаил Павлович рассказал нам и о таком интересном факте. 20 декабря 1922 года в честь пятилетия со дня создания ВЧК комсомольское собрание решило присвоить звание почетных комсомольцев Ф. Э. Дзержинскому, его заместителю И. С. Унштиху, работнику ВЧК — ППУ Ф. Д. Медведю, Р. Б. Михалеву и другим. После вручения комсомольских

бюллетеней решили сфотографироваться.

Вот эта фотография. В первом ряду сидят секретари комитета комсомола П. Иванов-Загревский, Ф. Э. Дзержинский и секретарь парторганизации М. С. Шильэр. Во втором ряду — С. Ф. Гусев, Р. Б. Михалев, член комитета комсомола Е. Г. Кроненберг, Ф. Д. Медведев, В. Л. Герсон, И. С. Унштих, член комитета комсомола В. С. Шишков и М. П. Шрейдер, передавший нам эту фотографию, которая также публикуется впервые.

НА ПОСТУ НАРКОМА ПУТИ СООБЩЕНИЯ

14 апреля 1921 года Ф. Э. Дзержинского назначили Народным Комиссаром путей сообщения. Оставшись руководителем ВЧК — ОГПУ, Феликс Эдмундович направил всю свою кипучую энергию, громадные организаторские способности на то, чтобы восстановить самый важный, но и самый пострадавший

в годы войны участок народного хозяйства — транспорт.

Он понимал, что эта задача может быть решена только с помощью масс, при их самом активном участии. Выступая на конференции Союза железнодорожников 3 декабря 1923 года, Дзержинский сказал: «Советский транспорт восстановить и поставить на ноги без использования изобретений рабочих, работающих у станков, без их воодушевления в этой области, по-моему, немыслимо».

Он выезжал из места, выступал на собраниях, совещаниях с рабочими, инженерами, техниками. Было встроено и в Одессе, и в Ростове, и в Петрограде, и в Харькове. За несколько дней до конференции он посетил строительство Усовской железнодорожной ветки под Москвой. Там, на станции Усово, и был сделан снимок, который публикуется впервые.

В ХАРЬКОВЕ

Несколько ярких страниц в биографии Дзержинского связаны с его пребыванием в Харькове. Трехмесячной весной 1920 года, когда белополяки захватили Киев, партия послала Феликса Эдмундовича на Юго-Западный фронт. Его назначили начальником тыла фронта. Центром, сконцентрированным на расчистке и ликвидации контрреволюционных организаций, был Харьков.

В этом городе Дзержинский был в 1921 году в связи с поставленной партией задачей восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса. В мае того же года и в январе 1923 года он снова посетил Харьков, решая вопросы развития железнодорожного транспорта.

Незадолго до смерти, в мае 1923 года, Феликс Эдмундович, будучи уже председателем ВСНХ, в последний раз приехал в Харьков. 7 мая он выступил с речью на заседании президиума Совета съездов промышленности, торговли и транспорта Украины. В первые этого заседания и сделан публикуемый впервые снимок.

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК

А. Коцка. Верховинка.

В. Бородай.
«Уходили комсомолцы на грандансскую войну...»

ИСКУССТВО УКРАИНЫ

На Всесоюзной художественной выставке, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, было представлено изобразительное искусство Украины и других районов СССР. Публикуем работы живописи, скульптуры, графики. Мы публикуем рецензии некоторых произведений украинских художников.

А. Константинопольский. Родная земля (На привале).

Л. Шматко. Выступление В. И. Ленина о плане ГОЭЛРО.

П. Сулименко. Отдых донеров. Рангун.

В. Зноба. Бонораш.

М. Дерегус. Ветер.

Г. Гаркуша. Обед в степи.

РАЗГОВОР У КОСТРА

Далеко за лесом опустилось солнце. Над лугами поползли густые сумерки, и вскоре вся земля потонула в осенней ночи.

Мы с Василием Груздом, моим напарником, сидели у костра, разложенного на самом берегу реки, и варили уху.

— Как ты думаешь, Вася, не написать ли нам куда-нибудь о своей работе? — сказал я.

— Пусть люди узнают, как живет наш брат —

Мне и сюмому показалась слишком необычной эта внезапно пришедшая в голову мысль, а Василий взглянул на меня даже как-то испуганно, а потом усмехнулся:

— Где уж пастуху с бумагой для чернилам волиться! Ты, зоркой Мими, зная свое дело: кнут покрепче в руках, держи да за скотом лучше посматривай... Да никому это и не испите, — тихо добавил Василий и поднялся. —

Выдумал тоже... Пойду на участок, проверю, как там...

Я не стал спорить с Василием. Может быть, он и прав был: все же это было это дело — заниматься пастушанием. Но вот насчет интереса он, покалуй, ошибся. И я решил все-таки рассказать немногим о нашей работе и жизни, — конечно, втайне от Василия.

...Раньше, для революции, в деревне пастуха за последнего человека считали. «Да ему только скот пасти!» — смеялись, бывало, когда хотели оскобрить кого-нибудь из парней. Меня, правда, в те далекие времена и на свете-то не было, но дедушки мой, который почивал, и его бабушка, а также и другие старинные молодые годы, только вздыхали да головой покачивали: «Ни умение тебе никакого, говорят они на чисты...»

Времена такие давно прошли, сорок лет назад началась в нашей стране совсем другая

жизнь. Труд пастуха стал у нас таким же почетным, как и любой другой... Да, открыто говоря, не каждому еще и доверят пасти колхозное стадо!

Я работаю пастухом в колхозе «Заря коммунизма» уже четвертый сезон. Как добывалась из рядов Советской Армии, вернувшись в деревню, так сразу пошел вправление артели: сидеть без дела не хотелось. А председатель высушив меня, тут же предложил:

— Бери-ка ты, старшина, под свою команду колхозного стада!

Не знаю в шутку сказал он это или всерьез, только я козирнул и ответил, так сказать, прямо по уставу:

— Есть взять под командой...

— Смотри, — предупредил председатель, — дело ответственное. Весь стадо у нас большое, и молодняк много. Справишься?

Я улыбнулся: вину пастуха да не спровоцируй!

Кое-кто из моих приятелей пробовал осприть: вот, мол, повезло человеку, был в армии, и потому, мол, пастухом может быть вполне какое, командующим назначили... Но я не обижался. Пусть, думают, надо же хлопцам помечтать... А когда прошел год — другой, моя даже завидовать начали: живут, дескать, Мишка с Васильком, как на курорте!

Мы с моном напарником этого не отрицаем: живем действительно хорошо. Курорт не курорт, а природа здесь такая, что красавице, честное слово, трудно найти. Палатка наша стоит на высоком, кругом берегу Березини. Солнца и воздуха, как на Черноморском побережье. А главное — воды свежей для скота и птицы, для выращивания.

Под пастбищем в колхозе отведено семьдесят гектаров. Мы разбили его на четырнадцать небольших участков. День пасем на одном участке, потом перегоняем стадо на следующий, и пока обходим все пастбища, на первых участках за это время вырастает хорошая трава.

Раз в неделю приезжает к нам ветеринарный фельдшер Алексей Ланко. Он осматривает скот, проводит необходимую профилактику. Но в это обуду ему будет скучно: надобность в этом отсутствует. Ланко средний учбец скота от зооветеринарного института солдат.

Конечно, иной раз бывает нам трудновато. Расположены мы от деревни далеко. Случаются и с продуктами перебои и с газетами... Но дело у нас такое ответственное, как правильно говорят председатель, что приходится со многими неудобствами мириться. Чтобы догнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения, надо ведь как следует поработать, и на то время тут, уж не обижусь, придется жертвовать. А это — это же дело, когда в прошлые годы наши колхозы давали государству неокторманных, истощенных телят? Одни убитки для артели... Между прочим, Никита Сергеевич Хрущев очень правильно заметил язвечек дорацирования молодняка. Это же прямая выгода и колхозников и государству. Пастбищ у нас хватает, да еще каких! Ведь совсем нетрудно поддерживать скот все лето на дармовых скотах. Этого осени мы можем сдать в государственную говядину. Когда мысли мы погнали встать стадо на пастбище, каждый теленок был ранен по баранцу. А через несколько месяцев телят стало не узнать: выросли, как на дрожжах! Первую партию — сорок голов — колхоз уже сдал государству. Каждый теленок потянул пудов по пятидцати — восемьдесят! А что это значит? Да как раз то, что нам сегодня нужно: хорошее, дешевое мясо.

Ну, мы пастухи, забытываем неплохо. Мне, например, колхоз дал телку, как бы предложил ее уступить работу. Получил я, кроме наличных денег, и зерно, и хлеб, три тонны картофеля, сто двадцать пудов сена, целый ливр молока... И всеобщее уважение. Василием заслужил: в красном уголке на колхозной Доске почета наша фамилия значится...

Нет, не прав, мне кажется, напарник мой Василий. Разве не интересно узять молодежи, как живет и работает пастух, каким уважением пользуется его труд в колхозе деревне!

Михаил ИЛЬИННИЧ,
старший пастух колхоза «Заря коммунизма»,
Кличевского района,
Могилевской области.

СПОРТ СМЕЛЫХ

А. СВЕТОВ

СОПЕРНИКИ УРАГАНА

...В лыжном спорте нет таких коротких дистанций, как, скажем, в беге или плавании. Здесь счет ведется на километры и десятки километров. Но и на длинных трассах лыжники не всегда движутся со скоростью, нередко доставающей до двадцати километров в час. И, конечно, что выдергать продолжительное время такой быстрой темп, лыжник должен быть очень сильным и выносливым.

Однако многие спортсмены мечтали не о той скорости, которую можно разить на снежной равнине, в обычных соревнованиях. Их привлекали спорты, в которых скорость, ставшая поступным подиумом благодаря достижениям современной техники.

Однажды лыжники обратились к нашим летчикам:

— Помогите нам. Мы хотим мчаться на лыжах так же быстро, как и вы на самолете.

— Это невозможно,— ответили летчики.

— Нет, это вполне осуществимо. Надо только, чтобы вы помогли нам.

И вот вскоре в Подмосковье произошел случай, о котором долго еще толковали местные жители.

Люди проходившие в тот день по дороге близь большого снежного поля, заметили невдалеке над землей фигуру, висящую на котенке, поднимавшую вверх снега, мелькала какой-то предмет. Когда сано-мас приблизился, все увидели, что это, уединившись за длинный трост, скользила лыжник. Он мчался по полю со скоростью 115 километров в час.

Если мы попробуем сравнить эту скорость с ветром, то такое сравнение будет невыгодно для ветра. Потому что сам ветер встает на склон: это составляет 11—17 метров в секунду;

это составляет примерно 40—60 километров в час. Даже буре не утешит за лыжником. Вот разве что ураган, сметающий на пути дома и вырываящий с корнями деревья, мог бы еще посо-

ревноваться с ним.

Интересно, что ощущал человек, мчавшийся на лыжах со скоростью 115 километров в час?

Петр Карев — так звали смельчака, предпринявшего это необычное путешествие,— рассказывал, что земля вдруг потеряла для него свои привычные масштабы. Она представлялась огромным белым паром, ускользающим из-под ног. И вдруг стала узким и узким. Вследствие разницы давления позади лыжника образовалось разрезенное пространство, и ему казалось, что кто-то, вцепившись в куртку, тащит его изо всех сил назад. Когда на пути встречалася хотя бы небольшой снежный сугроб, лыжник взлетал с него, и пролетал над землей не сколько метров.

Такая скорость долгое время была своеобразным рекордом. А в 1956 году в Швейцарии несколько смельчаков-лыжников снова устроили гонки на биоксерсе за самолетом. Они показали скорость 175 километров в час!

ПАРНИ ИЗ ТЕЛЕМАРКА

Казалось, лыжник должен быть доволен: ведь он достиг того, к чему стремился,— высокой скорости! Чего же еще желать «сопернику урагана»? И, однако, он недоволен. Поплашут только, что он говорит:

— Я испытал радость спортивного движения. Но скорость эта не моя, а чужая. Меня бросил самолет. Мне хочется самому, без помощи мотора и крыльев, так же быстро скользить на лыжах.

— Тогда ступай в горы,— посоветовали ему.

...Перенесемся мысленно в Норвегию. Во второй половине прошлого столетия там были две деревни: Лалак и Гусби. Это были скромные, молчаливые и суровые крестьянские парни из горной провинции Телемарк. Как и все северные горцы, они умели отлично ходить на лыжах. И не только ходить, но и даже спускаться с гор и даже совершать прыжки с небольшими естественными трещинами. Места эти были расположены по всему свету. Рассказывают, что были среди горцев смельчаки, которые мчались на своих самодельных лыжах— по

Фото М. Боташова.

кругому снежному склону, лавируя между скалами и деревьями, да еще держали в руке наполненную водой чашу. Попробуйте прощептать это, да так, чтобы не проплыло!

Однажды несколько парней из селения Телемарк приехали на соревнование лыжников, проходившее на склонах горы Гусби. В те времена даже опытные спортсмены чувствовали робость перед скоростью. Обычно они съезжали с горы, сидя верхом на палке. Палка, тормозя, словно лемехом, вспахивала снег, так что скользко склония падало вниз.

Со стороны казалось, будто по склону спускается не человек, а пушинтое белое облако.

Но вот встали на свою самодельные лыжи горцы из Телемарка. У них не было палок. И только каждый для красоты держал в поднятой руке еловую веточку. Все быстрее мчались они, смело и уверенно преодолевая крутые повороты. Зрители даже не предполагали, что с такой большой скоростью можно спускаться по склону.

Потом крестьяне показывали свое искусство в прыжках на

лыжах. Фритиоф Нансен, впоследствии знаменитый полярный исследователь, присутствовал на этих состязаниях.

Он, пользуясь пальками и ухватом, пытался вспомнить, как же он в разбегу пригнулся к краю обрыва, и с разбегу всплыл в крае обрыва, крохе той, которую давали им их сильные мускулы и гибкое тело.

Позже Нансен сам стал отличным горнолыжником, рекордсменом Норвегии по прыжкам на лыжах. Спортивная закалка очевидно принесла ему во времена пустоты.

Но вернемся к теме нашего рассказа. Крестьянские парни из Телемарка, быть может, сами тоже подозревая, приоткрыли дверь в мир высоких скоростей.

Постепенно появились три самостоятельных вида горнолыжного спорта: скоростной спуск, слалом и прыжки с трамплина.

Приставьте троллину, эмбай скользящую по кругому заснеженному склону. Лыжник мчится вниз. Снежная пыль покалывает лицо, ветер свистит в ушах, по сторонам мелькают деревья, скользкие уступы, темные щелья.

Фото Н. Волкова.

Обычно длина трассы скоростного спуска составляет около 3 километров. Однако многие горнолыжники не довольствуются этим. Мастер спорта Р. Беликов совершил восхождение на самую высокую вершину Европы — Эльбрус (5 633 метра над уровнем моря), чтобы затем спуститься с крутизны. Обратный путь занял у него всего лишь 18 минут. Лыжник разогнался перед почти 140 километрами в час! Для урагана было не утешаться зевакам.

А вот спортсмен, который тоже мчится по склону горы, но на пути у него то там, то здесь расположены красивые флагшки. Для того, чтобы пройти, не снижая скорости, между флагшками, лыжник должен проделать множество крутых поворотов. Лет тридцать назад на соревнованиях время спуска не учитывалось. Требовалось только, чтобы спортсмен правильно прошел всю дистанцию и не прокосился мимо «ворот». Позже в правила были внесены изменения. Победу стали присуждать тому, кто спустился быстрее всех.

Такой вид спорта называется «слалом». Откуда произошло это слово? «Слалом» означает по-португальски «склон» / «Лом» — «склон».

Трасса обычного слалома невелика. Ее длина — 500—700 метров. Наименьший перепад высоты между воротами составляет 200 метров. И средняя скорость здесь — 35—40 километров в час.

Не так давно появился новый вид горнолыжных состязаний — гигантский слалом. Само название говорит о том, что масштабы здесь иные. Длина трассы достигает двух с половиной километров, разница высоты между стартом в финишем — примерно 600 метров, средняя скорость — 60—70 километров в час. Гигантский слалом — это, что-то среднее между скоростным спуском и обычным слаломом. От первого он унаследовал большую скорость, от второго — искусство поворотов.

Первые соревнования на первенство мира по гигантскому слалому были проведены в 1950 году в Соединенных Штатах Америки и с тех пор устраиваются ежегодно.

ПОЛЕТ БЕЗ КРЫЛЬЕВ

Самый сложный и красивый вид лыжного спорта — это, конечно, прыжки с трамплина. Зародился он, когда безвестный лыжник, скользя по склону, взругал с небольшого заснеженного уступа. Случилось так, что он не упал, а, пролетев по воздуху несколько метров, приземлился или, точнее сказать, «присплюхнулся» и продолжал, как ни в чем не бывало, свой путь. Это ему понравилось, и в другой раз он уже нарочно направил свои лыжи на уступ и оттолкнулся от него.

Листая старые журналы, часто можно встретить фотографии таких прыжков. Спортсмены в стальных вязанных шапочках, широко расставив руки, как бы плавали в воздухе. Но какая у них страшная поза — в поете они стоят во весь рост!

Что вы думаете? — вероятно,

сказали бы эти лыжники люди, хорошо разбирающиеся в физике. — Разве можно, прыгая таким образом, рассчитывать на

хороший результат? Ведь мы забываем о законах аэродинамики.

Известно, что воздух оказывает сопротивление всякому движущемуся телу. Но вот вопрос: велика ли сила сопротивления? Оказывается, она пропорциональна квадрату скорости движущегося тела. Увеличьте скорость вдвое, сопротивление воздуха — вчетверо; скорость увеличивается втрой раз. В правильности этого закона не раз на собственном опыте убеждались пловцы, бегуны, лыжники, все тем, кому приходилось завоевывать победу в стремительном движении.

Однако физика не только объяснила причину необычных результатов, показанных во время первых прыжков на трамплинах. Она подсказала, как следует поступить, чтобы удачно прыгнуть.

Для этого надо прыгать так, чтобы воздух давил на возможно меньшую площадь тела лыжника.

И спортсмен, скользя с горы, стал инженером, скимаясь в колок и тем самым значительно увеличивая скорость. А от скорости зависит, конечно, и дальность прыжки.

В полете лыжник сильно наклоняется вперед, почти лежится на воздух. Этим он не только уменьшает лобовое сопротивление, но и заставляет воздух поддерживать его. Создается так называемая подъемная сила, которая помогает лыжнику не падать вниз. Помогают и ноги: при каждом прыжке они долгают 20 килограммов.

Однажды на соревнованиях в Швейцарии собирались увидеть, как прыгают с трамплина спортсмены скандинавских стран — норвежцы, финны, шведы. В полете они держали руки плотно прижатыми к туловищу. Наклоняясь вперед, лыжники не сгибались в пояснице, а сложились в воздухе, вытянувшись, словно стру-

на. Это несомненно значительно улучшило их результаты.

Пробовали прыгать так и наши лыжники, но их постигла неудача.

Наклонившись вперед, они теряли равновесие, так как не знали правильного угла наклона.

Начались поиски, тренировки.

Вскоре москвичи стали свидетелями необычной картины. По одному из прогородных шоссе машина медленно ехала, а за ней висела кукла ростом с человека. Машина часто останавливалась; из нее выходил человек и поправлял куклу — то наклоняя ее, то поднимая так, чтобы она быстрой езде не перевернулась.

Наконец человек сказал:

— Вот теперь хорошо! Дашиба — градус! Таким и должен быть угол наклона, так следует прыгать!

Советские лыжники освоили новый, «кандинский» стиль прыжков. Они научились прыгать по воздуху большие расстояния.

Разгон, полет в воздухе, приземление — все составные части прыжки с трамплина. О том, чтобы прыгать с трамплина, позаботились конструкторы трамплинов. Гора приземления имеет наклон, почти соппадающий с траекторией полета. Опускаясь, лыжник испытывает не просто удар, а удар скользящий. Он продолжает двигаться по склону, теряет скорость и наконец останавливается.

«Самый длинный прыжок» установлен в 1956 году в Чехословакии на трамплине в Красногорске. Трамплин москвич Константин Кудряшов. Он пролетел по воздуху 82 метра. Для того, чтобы совершить этот прыжок, спортсмен должен был разбрить при разгоне скорость 130 километров в час.

Кудряшов совершил свой рекордный прыжок с обыкновенным трамплином. Ни есть чисто скандинавские прыжки, предназначенные для скоулеров. В 1951 году финский лыжник Тауно Лурпо, прыгнув с трамплина в западногерманском городе Обердорфер, пролетел по воздуху 139 метров.

О людях, которые сумели пролететь по воздуху такие расстояния, смело можно сказать: они обрели невидимые крылья.

А. ВОЛОЦАК

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

Ой, вы, ночи,
Ночи партизанские,
Сколько вас
За далью мирных лет,

Знают парни
Луцкие и браниские
Да лесной
Задумчивый рассвет.

Вы нам были верными
Друзьями,
Вы нас обнимали
Темнотой.

Насмерть окруженные
Врагами,
Чудом уходили мы
«Домой».

А наш дом
То тут, то там, в дуброве,
В темной куще,
От дорог вдали.

Ой, вы, ночи,
Ночи чернобровые,
Сколько раз
Вы изнын нам сберегли!

БАБЬЕ ЛЕТО

Заревенная тихим
Сентябрьским рассветом,
Ходят по полю осень
И прощается с летом.
Удивляется осень —

Нет ни меч, ни тропинок,
И развесит ей негде
Крученых патунинок.
Перепаханы мечи —
Стародавние горе;

Здесь колхозное поле —
Неоглядное море.
Лиши дымки проплылият
Над ниньим золотистым...
Хоть волны патунинок —
Да на чуб трактористам!

Перевод с украинского
С. ВИЛЕНСКОГО и Я. СЕРПИНА.

Е. Грибов. Нагуллянсы.

Всесоюзная художественная выставка 1957 год.

Е. Грибов. Теплая варенка.

Е. Н и с с а ч. П о р т . М о с к в а.

Российский государственный выставочный 1957 год

Рисунок А. Лурье.

СЛУЧАЙ С ЗОЛОТЫМИ ЧАСАМИ

— Эта смерть, мистер Холмс, так неожиданна, словно ее причиной было что-то потустороннее сущее! — воскликнул преподобный Джексон Эппли.

В двери на Бейкер-стрит нам приходилось слышать немало странных высказываний, но это утверждение было, кажется, самым необычайным из всех.

Мне не нужно обращаться к помощи своей записной книжки, чтобы установить, что случилось: это в один из прекрасных летних дней 1887 года. На обеденном столе лежала телеграмма: Мистер Шерлок Холмс, брошенная ее с нетерпением всплескиванием. В телеграмме было сказано, что преподобный Джексон Эппли просит оказать ему любезность — принять его этим утром для консультации по некоторым вопросам, касающимся церкви.

— Вам кажется, Ватсон, — довольно резко заметил Холмс, зажигая трубку, которую он курил обычно после завтрака, — что дела принимают довольно необычайный оборот, если священник обращается к вам со знатью по поводу содержания церковных проповедей? Я, конечно, польщен его вниманием, но все это вне моей компетенции. А что сказано в Кронфордском справочнике о нашем клиенте?

Пытаясь предвосхитить ход мыслей моего друга, я уже снял с книжной полки толстый том и нашел там нужную справку. Выяснилось, что Джексон Эппли был священником небольшого прихода в Сомерсете и что он написал монографию о состоянии медицины во времена Византийской империи.

— Гм, довольно необычайное назначение для сельского священника, — сказал Холмс. — Но вот, естественно, я не ошибаюсь, и он сам.

Снизу до нас донесся резкий, нетерпеливый звонок. Не успели миссис Хадсон доложить о приходе посетителя, как он сам влез в комнату. Это был старик, худощавый, сутулый «муженка» в одежде сельского священника. Его лицо, обрамленное стародорными бакенбардами, носило отпечаток ученичества.

— Моя дорогая господа, — воскликнул он, вглядываясь в наши синие близорукими глазами сквозь овальные очки, — поверите, что только чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня вторгнуться в вашу уединенную обитель!

— Ну, ну, — добродушно сказал Холмс, приглашая посетителя за-

Рассказ

Адриан КОНАН-ДОЙЛ

Английский писатель Артур Конан Дойл (1859—1930) хорошо известен советским читателям. Его произведения «Затерянный мир», «Маринотова бедзора», «Отравленный пояс», «Завещание о Шерлоке Холмсе» и другие находятся в списках официальной литературы. Всем миру автор получил благодаря своим рассказам о Шерлоке Холмсе — одном из немногих литературных героев, которых читают практикующие врачи. Знаменитая симпатичная комбинация пользуется такой огромной популярностью, что в Лондоне ему даже воздвигнут памятник. На Бейкер-стрит недалеко от газеты открылась выставка, посвященная Шерлоку Холмсу. Известно, что сама комбинация изображалась автором в его известных рассказах.

Недавно отмечалось стотиение со дня «诞生» писателя Артура Конан Дойла, Адриан, совместно с писателем Д. Диксон Карром выпустил книгу под заглавием «Подпись Шерлока Холмса». В этой книге рассказы, составленные из тех, что впервые издались в журнале «Шерлок Холмс», а также из тех, что впервые опубликованы в журнале «Литературный мир». Несколько рассказов из этого сборника были написаны на основе известного рассказа послушника про исчезнувших золотых часов, упомянутого в романе Артура Конан Дойла «Лить зерныши альпийски».

Как и во многих других произведениях о Шерлоке Холмсе, повествование ведется от лица его друга доктора Ватсона.

нять плетеное кресло, стоявшее около потухшего камина, — ведь это обитель сыщика, и в ней мы найдете уединения не больше, чем скамьи, в приемном кабинете врача.

Еда успел сесть, выкирь взглянуло выпалили на необычайную фразу, с которой я начал повествование.

— Потусторонняя сила, — задумчиво повторил Холмс. Хотя он и произнес это тихим голосом, мне показалось, что в его словах звучало скрытое волнение.

— Но тогда, мой дорогой сэр, это было скорее вашей компетенции!

— Простите, — поспешно сказал священник, — возможно, что мои слова несколько отдавали мистикой. Но помните, это такой ужасный случай... Его голос перешел почти в шепот, и он взъерошился, наклонился вперед: — Это — злодействие, мистер Холмс, хладнокровное и предумышленное злодействие...

— Говорите, сэр, я весь внимание.

— Мистер Джон Трелони — склерофталмик Трелони, как мы называли его, — был самый богатый землевладелец в округе. Четыре дня назад, всего за три месяца до своего семидесятилетия, он внезапно скончался в постели.

— Гм! А разве это так уж необычайно?

— Нет, сэр, но послушайте дальше! — вскричал наш клиент, подняв длинный указательный палец, на кончике которого виделись какие-то странные пятна. —

Ведь Джон Трелони, несмотря на свой возраст, был весьма крепким и энергичным мужчиной, не знающим никаких болезней. В этом мире со мной бы пронкоть еще, что он был здоров, как лев. Наш местный медик, доктор Пол Гриффин — он мой родной племянник! — наотрез отказался выдать свидетельство о его смерти. Тогда было решено пронести его вскрытие трупа...

Холмс сидел в своем халате мышного цвета, лениво откинувшись на спинку кресла. Теперь он слегка приоткрыл глаза.

— Вскрытие трупа! — воскликнул я. — И произошло это вашим планом?

Мистер Эппли замялся.

— Нет, мистер Холмс. Вскрывал труп сэр Леопольд Харпер, выдающийся специалист в области судебной медицины. Я могу сразу же сказать, что бедняга Трелони не умер от естественной смерти. В расследовании принял участие не только местная полиция, но и Скотленд Ярд.

— Вот как!

— На другой стороны, — продолжал мистер Эппли, — склерофталмик Трелони, — был убит, да он и не мог быть убит. Тщательное медицинское обследование так и не установило причину его смерти.

В гостиной, куда сквозь опущенные шторы еле пробивалась солнечный свет, на мгновение наступила тишина.

— Мой дорогой Ватсон, — обратился Холмс, — будьте так добры подать мне глиняную трубку с папкой, что над диваном. Благода-

рию. Я придерживаюсь мнения, мистер Эппли, что курение такой трубки благоприятно отражается на мозгах. Могу ли я предложить вам сигару?

— Благодарю вас, — ответил священник, потрогав бакенбарды своим запачканными пальцами. — В такой момент я не смею курить, не могу курить. Я так взъерошился, что задохнулся от дыма. Мне надо обрисовать вам все факты с мельчайшими подробностями. Но это так трудно... Может быть, вы уже заметили, что я довольно рассеянный...

— Разве?

— Да, сэр. В юности, до того, как посвятить себя церкви, я увлекался медициной. Но мой покойный отец запретил мне это из-за моей рассеянности. Отец был убежден, что если бы я стал врачом, то, не задумываясь, усыпал бы своего пациента хлорформом и стал удалять ему желчные камни, хотя большой желчевалась только на легкий кашель...

— Так, так, — заметил нетерпеливо Холмс. — Всего лишь быстренько, — сказал он, — и я продолжал языком на виноградную листья. — Видно, поэтому вы прежде чем сесть на лондонский поезд, надавили спирки в книгах в своем кабинете?

— Да, я правы, сэр. Это были медицинские книги.

— А вы не находите неудобным то, что книжные полки в вашем кабинете так высоко расположены?

— Конечно, нет. Ведь для книжных трубок очень много места...

Вызвался посетитель замолчал. Рот его широко открылся, и продолговатое лицо, обрамленное бакенбардами, стало еще длиннее.

— Но уверяю, положительно уверен, — растерянно проговорил он, — что не упоминал ни о своих книгах, ни о книжных полках. Как же вы узнали об этом?

— Это пустяки! А как я узнал к тому же, что вы холосты, или вдовцы и что вы держите в доме? — съехались я. — Здесь, кроме мистера Эппли, есть еще один человек, который хотел бы знать, каким образом вам удалось пронести к такому заключению.

— Пиль, Ватсон, пиль!

— Какая пиль?

— Взгляните на указательный палец правой руки мистера Эппли. На этом пальце нетрудно разглядеть пятна от темно-серой пыли, которая обычно скапливается на верхних обрезах книг. Эти пятна

появился не позже сего дняшнего утра. Так как мистер Эппли — мужчина высокого роста и с длинными руками, становятся очевидны, что он снимал книги с высокого расположенной полки. Если к этому еще добавить его невычайную склонность к тому, чтобы обладать большой проницательностью, чтобы сделать выводы, что у него нет земли, а его хватит всего нервированной экономики.

— Замечательно! — воскликнул я.
— Сущий беззедац, — ответил он. — Я должен извиниться перед нашим гостем за то, что прервал его рассказ.

— Эта смерть была совершенно непостижимой! Но вы еще слышали про эту девушку? — продолжал я, — Тут же на ум пришел скайбр — племянница двадцати одного года. Ее зовут Дорレス Дей, она дочь покойной миссис Колпи Дей из Гластонбери. В течение ряда лет девушка жила хозяйкой в большом доме Троллони, носящем название «Глендин Рест». Все думали, что Дорレス, которая помолвлена с одним славным молодым человеком, по имени Джонни Эйнсворт, должна была спасти своего дади. Должен вам сказать, что на свете никогда не существовало более нежного и доброго создания, чем эта девушка. Ее волосы красного цвета, а в глазах иногда вспыхивали огни, который свидетельствует о юнкной крови, текущей в ее жилах.

— Да, — нетерпеливо прервал Холмс. — Но вы сказали, что я не слышал еще самого худшего.

— Верно, и вот факты. Недолго до смерти Троллони изменила свое завещание. Суровый старик считал свою племянницу слишком легкомысленной и лишил ее наследства. Он завещал все доктору Полису Гриффину, своему племяннику. С этими словами Троллони было найдено мертвым, и теперь моего несчастного племянника все подозревают в убийстве.

— Пожалуйста, изложите нам подробности, — попросил Холмс.

— Прежде всего, — продолжил священник, — я должен сказать, что Троллони был человек строгого и непреклонного нрава. Мне так кажется, будто я вижу его — высокого и широкоплечего, с белой бородой, с лицом, покрытым бледного цвета.

В своей спальне каждый вечер перед своим скайбром обыкновенно прочитывал главу из библии. После этого он засыпал часы, у которых к этому времени почти кончалась заводка. Ровно в девять часов вечера он ложился и вставал в пять утра.

— Один момент, — вмешалась Холмс. — Нарушал ли скайбр когда-нибудь этот установившийся порядок?

— Да, если он погружался в чтение библии, то мог просыпаться и допоздна. Но случалось это весьма редко, мистер Холмс, и, я думаю, такие отступления от правил можно не принимать во внимание.

— Продолжайте, пожалуйста, все ясно.

— Я должен отметить, что сожалению, что скайбр никогда не был в хороших отношениях со своей племянницей. Его строгость иногда доходила до жестокости. Погано случаю, когда два года назад

он избил девушку ремнем и несколько дней держал ее взаперти на хлебе и воде только лишь из-за того, что она поехала в Бристоль послушать комическую оперу. Я до сих пор помню, как она плакала и слезы стекали по ее розовым щекам. «Старый дьявол!» — кричала она. «Старый дьявол!..» Да, конечно, пожалуйте, неизвестность есть злая.

— Несколько я понимаю, — прервал Холмс, — будущее благосостояния молодой леди зависело

всего от этого наследства.

— Всех нет. Ее же хотят обнаружить в наших словах опасение за судьбу скайбриника, — сказал Холмс.

— Вероятно, доктор Гриффин был в дружеских отношениях с Троллони, если тот заслал ему свое наследство?

Священник неловко заерзая в кресле.

— Да, в самых дружеских отношениях, — ответил он посланием. — Действительно, доктор тоже спас Троллони, когда тот болел. Видите ли, скайбриник всегда был вспыльчивым, неубедительным человеком. Его неодержимое поведение в конце концов привело к тому, что местные жители стали с предубеждением относиться к нему. Если полиция окончательно утвердится в мнении, что скайбр умер наильской смертью, Гриффин будет угрожан ужасом.

— Да, мы с доктором Ватсоном

всегда сидим с вами. Пожалуйста, по-

просите миссис Хадсон вызвать

избранника из Абердиншира.

Эппли сделал паузу и оглянулся. Раздалась чей-то повелительный стук. Тут же дверь распахнулась, и мы увидели миссис Хадсон, выглядывающую из-за спины низенького худощавого мужчины с крьсиным лицом. Он был в клетчатом костюме и котелке. Когда взгляд его холодных голубых глаз упал на вишкари, он остановился у порога с възгласом удивления.

Вы обладаете замечательной способностью, Лестрейд, появляясь в самый неожиданный и драматический момент, — лениво заметил Холмс.

— И это ставит некоторых в затруднительное положение, — ответил детектив, положив свою шляпу рядом с газовой печкой. — Ну-с, присутствие в вашем доме этого постенного джентльмена бесконечно меня беспокоит, потому что в настоящие времена вы заняты уютным маленьким домом в Сомерсете. Факты весьма определены и ведут в одну сторону, как указательные столбы. Не так ли, мистер Холмс?

— К несчастью, указательные столбы можно легко повернуть в любую сторону, — ответил Холмс. — В прошлом мне неоднократно приходилось доказывать вам эту истину, Лестрейд.

Священник из Скотленд Ярда вспыхнул от злости:

— Всюко бывает. Но сейчас у меня нет времени для разговоров. Терпеть не могу, чтобы кто-либо, кроме меня и моих друзей, имел возможность его совершенствовать. Мы знаем, что преступники, на которых остается высокий лист, каким образом были совершенно убийство.

— Я утверждало, что мой неизвестный племянник! — вскричал священник в отчаянии.

— А ведь не называли имен!

— Но с того момента, как вам стало известно, что он был личным врачом скайбра, вы не скрывали, что считаете моего племянника убийцей. Всем ясно, что только Гриффину выгодно это злоуполучное завещание.

— Вы забыли еще упомянуть о его личной reputation, — мрачно добавил Лестрейд.

— Он неубедиц, да; романтик, вспыльчив, если вам угодно. Но быть хладнокровным убийцем — никогда! Ведь я его знаю с пеленок...

— Ну, поживем — увидим... Мистер Холмс, а я очень хотел бы поговорить с вами.

В время этой спокойной переговоры между мистером Ватсоном и Лестрейдом Холмс смотрел на потолок с отсутствующим, рассеянным выражением лица. Я замечал это у него только в тех случаях, когда он чувствовал, что уже дерхит в руках какую-то трудно уловимую нить улик, все еще скрытую в лабиринте множества фактов и подозрений.

Внезапно Холмс поднялся и обратился к мистеру Эппли:

— Вы собираетесь возвратиться в Сомерсетшир?

— Да, поедем в дядя тридцать из Паддингтона. — Священник вскочил, и его лицо окрасилось легким румянцем. — Неужели я могу рассчитывать, — мистер Холмс.

— Да, мы с доктором Ватсоном поедем с вами. Пожалуйста, по-просите миссис Хадсон вызвать избранника из Абердиншира.

Наш посетитель бросился вниз по лестнице.

— А довольно любопытное дело, — заметил Холмс, наполняя своей дорожной кистью табаком.

— Я так рад, что наконец вы увидели все в надлежащем свете, дружина, — заметил я. — Мне счаялось показать, что постенный Эппли выводит вас из себя, особенно когда он начал распространяться о своей ранней склонности к медицине и о ревности, из-за которой мог бы оперировать пациента без всякой на то надобности.

Внимательно от этого как будто беззодного замечания было по-различно. Сосредоточенно поглядев перед собой, Холмс быстро встал.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Черт возьми!

Шеки его слегка покраснели, а в глазах появился блеск, который был мне так хорошо знаком.

— Как всегда, Ватсон, ваша помощь просто неоценима!

— Значит, в погоню за Своном упоминали об операции?

— Вот именно!

— Ну, Холмс! — Подождите, я сейчас должен

рассказать некую фамилию. Да, да, некую фамилию! Передайте-ка мне, пожалуйста, тетрадь, в которую Холмс вклеивал газетные вырезки о занятавших его слушателях.

— Холмс, но мистер Эппли не называл нам никого, чье фамилия начинчалась бы с буквами «б»!

— Да, я знаю об этом... Ба, Ба-Бартлетт!

Бегло перелистывая тетрадь, Холмс закрыл ее и теперь сидел, задумчиво барабаня по переплету длинными нервными пальцами.

— У меня, конечно, нет еще всех данных, — произнес он. — Да же и теперь еще не все ясно.

— Зато для меня все ясно, — с усмешкой заметил Лестрейд. — Им меня не обмануть. Этот рыжеволосый доктор и есть убийца. Нам известны и преступление и мотив преступления.

— Тогда зачем вы пришли ко мне? — спросил Холмс.

— Потому что недостает одно-го. Мы хорошо знаем, что сделал это. Вопрос в том, как он это сдела-л.

В вагоне Лестрейд бесконечное число раз повторял этот вопрос, пока наконец его слова не стали сливаться со стуком колеса, болезненно отдаваться в моей голове.

Был долгий жаркий день. Лучи заходящего солнца уже ложились на варинсы мягко окруженные холмами Сомерсетшира, когда мы наконец высадились на маленькой железнодорожной станции Кемберзайд. Вдали, среди холмов, за остроконечными крышиками деревенских домиков, виднелось большое белое здание, окружное величественными вязами.

На крыльце стояла небольшая прогулка — недовольно проворчал Лестрейд.

— Я предположил бы не заходить сразу в дом, — сказал Холмс. — Есть ли в этой деревушке гости-ница?

— Да, называется она «Герб Кемберзайд».

— Тогда пойдемте туда. Мне хотелось бы поговорить о последовании на территории почты.

— Ну, Холмс! — воскликнул Лестрейд. — Я не понимаю...

— Совершенно верно, — прервал Холмс. И мы не услышали от него больше ни слова, пока не очутились в уединенной комнате старинной гостиницы. Холмс что-то поспешно черкнул в своей записной книжке и вырвал оттуда неясные листы.

— Неважно, ли будет теплее, мистер Эппли, послать слугу с записками! Одну нужно отправить в Гудванс Рест, другую — Эйнсворту, а вот эту — Гриффину.

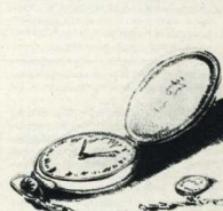
— Конечно.

— Вот и чудесно. Тогда в ожидании прихода мисс Дорレス и ее женщины мы сможем немного покурить.

Некоторое время все сидели молча, погруженные в собственные мысли.

— Ну, — мистер Холмс, — вспомни заговоры Лестрейд! — Вы кели себя так загадочно, что заинтересовали даже доктора Ватсона. Так ложитесь нам сейчас вашу теорию.

— У меня нет никакой теории.

Я просто хочу проверить некоторые данные.

— Но у вас есть данными вы предали преступника.

— Это еще неизвестно. Кстати, викарий, каковы отношения между мисс Долорес и вашим племянником?

— Любопытно, что вы занти-ресовались этим. Последнее время их отношения склонялись для меня в сторону горечи. Но спрятавшись ради сладкого следует добавить, что виной этому была молодая леди. Без всякой видимой причины она стала вдруг склонна по отношению к доктору. И, что хуже всего, свою неприязнь проявляет при людях.

— Вот как! Ну, а мистер Эйнворт?

— Он слишком славный парень, чтобы не сожалеть о поведении своей невесты. Он принимает все это почти как личную обиду.

— Что ж, похвально для него. Но вот, по-видимому, и наши гости.

Старая дверь со скрипом распахнулась, и высокая грациозная девушка вошла в коммнату. Долгий, испытующий взгляд ее черных, взодущенных блестящих глаз остановился на нем одновременно с выражением враждебности и вместе с тем отчаяния. Страйонд белокурый молодой человек со свежими цветами лица и удивительно блестящими, проницательными голубыми глазами следил за ней. Он дружески приставлялся к мистера Эппли.

— Кто из вас мистер Шерлок Холмс? — вскричала молодая девушка. — Ах, вы! Я полагаю, что у вас есть какие-то новые данные?

— Я приехал сюда за ними, мисс Дейл. Всё мне известно все, за исключением того, что в действительности произошло ночью, когда вы ванда... умер.

— Вы подчеркнули слово «умер», мистер Холмс?

— Но, честное слово, Долорес, а что еще он мог сказать? — спросила молодой Эпплер, заторопившись. Мне кажется, что голова полна всякой сумеречной чепухи из-за этой грозы, которая так взлютила твоего давда до вторника ночью. Но ведь гроза окончилась до его смерти.

— Откуда вы это знаете?

— Доктор Гриффин сказал, что скайбр умер не раньше трех часов утра. Во всяком случае, до этого времени он чувствовал себя вполне здоровым.

— Вы уверены в этом?

Молодой человек поклонился на Холмса с очевидным недоверием.

— Конечно, уверен. Мистер Лестрейд может подтвердить вам, что я заходил в коммнату скайбера три раза в течение ночи. Третий раз просил меня об этом.

— Тогда я хотел бы познакомиться с фактами с самого начала. Может быть, вы начнете, мисс Дейл?

— Хорошо, мистер Холмс. Во вторник вечером мой дядя попрощался с мистером Гриффином на побегушках с нами в Гудмен Рест. С самого начала чувствовалось, что дядя был чем-то обеспокоен. Я принесла тогда это доносившемуся издалика раскатам грома: дядя не любил и даже боялся грозы. Однако мне до сих пор неясна истинная причина его беспокойства. Как бы то ни было, обстановка в течении вече-

ра становилась все более и более нервной. Попытки доктора развеселить нас не удавались, и страшное настроение, особенно после того, как молния вдруг ударила в дереву в роще, «я должна теперь ехать домой», — заявила Гриффин, — и надеюсь, что со мной ничего скверного не случится в эту грозу». «Ну, я и доволен, что осталась», — засмеялся Диффри. — Нам здесь будет достаточно уютно: ведь в доме наверху есть надежный громоотвод». Моя дядя подошел к креслу. «Красивый особняк», — заметил он. — Ради Бога, я не знаю, что у нас нет громоотвода? И он задрожал, как человек, сошедший с ума.

— Я так и не понял, почему мои слова его рассердили, — прервал рассказ Эйнворт. — Затем скайбр стал распространяться на счет своих кошмаров...

— Кошмаров? — спросил Холмс. — Да. Он кричал, что страдает от кошмаров и что в такую ночь старик не должен оставаться в одиночестве.

— Дядя немного успокоился, — продолжала мисс Дейл, — когда Диффри обещал наказать его ночью. В самом деле, старик выглядел очень жаль. Когда ты заходил к нему, Диффри?

— Первый раз в половине одиннадцатого, затем в полночь и, наконец, в час ночи.

— А вы разговаривали с ним? — поинтересовалась Холмс.

— Нет, он спал.

— Тогда как же вы узнали, что в то время он еще был жив?

— Я слышала, как моя мать дружила с его сыном, скайбром, — добавила замысловатым-кошмарчиком.

Это было фонара, горевший голубым светом в книре камни. Мне, конечно, не удалось увидеть много, но зато я язвительно слышала в перерывах между завываниями ветра тяжелое дыхание слышала...

— Было только пять часов утра, — продолжала мисс Дейл, — когда Нет и я были больше говорить. И она разбралась в разрываниях.

— Успокойся, успокойся, дорогая, — сказала Эйнворт, пристально глядя на девушку. — Мистер Холмс, для нее это такое тяжелое испытание...

— Может быть, мне предположить, — спросил викарий. — Только начало рассказать, когда я прошусь от сильного стука в дверь. Малчики-кур принес нам ужасную новость из дома скайбера. Оказалось, что мисс Дейл вчера вечером, принесла скайбр чай и, подавши чай, увидела своего кузина неутомлен в постели. Она в ужасе подняла крик в весь дом...

Я набросил на себя плед и поспешил в Гудмен Рест. Когда я вошел в спальню вместе с Долорес и Диффри, доктор Гриффин, которого вызвали раньше, уже заканчивал обследование покойного. «Он мертв уже почти час», — сказала доктор. «Уже убийца меня, но я никак не могу определить причину его смерти».

Я отошел от кровати, мысленно уложившая себя молитвой, когда вдруг заметил золотые часы Трелака, блестевшие под лучами утреннего солнца. Лежаки они на маленьком мраморном столике среди пыльцевых с лекарствами и банок с мазью, испускавших резкий запах, особенно ощущавшийся в непротивенной комнате. Часто говорят, что во время силь-

ного волнения мы обращаем внимание на всякие мелочи. Так случилось и со мной. Мне показалось, что часы не ходят. Я поднес их к уху — часы тикали. Я совершенно машинально повернув заднюю головку на два оборота, до отказа. Раздался резкий звук: «Кр-р-р-р-р!» — заставилший Долорес нервно закричать. Я точно запомнил ее слова: «Винк-рик Перестаньте же! Этот звук напоминает предсмертный храп!»

Не мог я забыть. Мисс Дейл печально опустила голову.

— Мистер Холмс, — с настойчивостью в голосе сказал Эйнворт, — у нее еще совсем свежи воспоминания о смерти дяди.

Я хотел бы попросить вас освободить на сегодня мисс Дейл от дальнейших расспросов.

— Страхъ всегда беспочвенны,

когда отсутствуют доказательства, — заметил Холмс, и, вынув часы, задумчиво поглядел на них. — Пора трогаться в Гудмен Рест.

После непродолжительной поездки в экипаже священники мы очутились у дома скайбера, въехали в ворота и покатили по узкой дорожке. Всюду злая. Уперев на нас простирались длинная, еле освещенная аллея, испещренная темными, блестящими яблонями. Мы миновали последнюю поворот и золотистые, отбрасываемые фонарями яблони, синутно освещали фасад мрачного, некрасивого особняка. Все его окна были закрыты ставнями, выражавшими в коричневом цвете, а передняя дверь зарешечена черной матерней.

— Это дом мрака, — заметила подавленным голосом Лестрейд, поднимаясь в дверь. — Алло! Что та-кое!

Что вы делаете здесь, доктор Гриффин?

Дверь распахнулась, и у входа появился высокий мужчина с рыжей бородой, одетый в свободно сидящий норфолкский сюртук и широкие до колен брюки. Он окликнул нас скрипучим взглядом. Сжалевые кисти его рук и тяжело вздыхавшая грудь говорили о душевном волнении.

— Разве я должен просить у вас разрешения на прогулку, мистер Лестрейд? — спросил он. — Ради бога, не беспокойтесь, что ваши проплаты подорвани восстановления против меня всю окружу?

Гриффин протянул свою большую руку и схватил моего друга за плечо.

— Так это вы, Холмс! — закричал он с горячностью. — Я получила вашу записку, и вот я здесь. У вас, слава Богу, такая высокая репутация. Мне кажется, только вы могли бы спасти меня от виселицы... Ну, что за животное я?

Ведь я так напугал ее своим словами...

Мисс Дейл со слабым стоном закрыла лицо руками.

Я столько перенесла за последние дни! — всхлипывала она. — О, этот необыкновенный укус!

Я был очень раздражен своим поведением Холмса: я, во время, как мы все окружили плачущую девушку, заметил Лестрейда, что, спокойно находясь в дальней комнате, по-видимому, в засыпанной кровати. Повернувшись к нам спиной, он вошел в дом, на холсте висела картина с изображением сирени.

Несколько ободрившись, я вошла в Гудмен Рест, пославши за мисс Дейл.

Лестрейд послал за мисс Дейл.

Через дверь в левой части большого

зала мы мельком разглядели тусклую освещенную комната, заставленную полувуалью. Длинные тусклые фигуры матери дочери сидели одна за другой, склонив головы. Лицо очнулось всего в несколько дюймов от лица покойного. Стола наложенная тишина, пока Холмс при помощи луны внимательно изучал склонные черты умершего. Затем он набросил простыни на тело и направился к выходу.

Я хотела заговорить с ним, но он молча прошел мимо, отворил дверь и вышел в ступор лестничной площадки, и Лестрейд преследовал нас спальни с массивной темной мебелью, которая мрачно и смутно вырисовывалась при свете затемненной абауровой лампы, горевшей на столе рядом с открытой библией. Затяжной, тошнотворный аромат уязвивших цветов и запах сырости преследовали меня походкой.

Холмс опустился на колени под окнами, исследуя лупой каждый дюйм поля, пока я походила на дверь, разрывая чесноком.

— Нет! Всегда! Эти окна не открывались в тот день. Если бы они были открыты во время сырой грозы, бы, конечно, обнажили следы. Но не было никакой необходимости открывать их...

— Прислушайтесь, — сказал я. — Что это за странный хруст?

Я посмотрел в сторону кровати с высокими темными балдахином и занавесками. У изголовья стояла мраморная стопка, весь застлан лепестками склянок.

— Холмс, это часы покойного скайбера! Они лежат на столе и все еще тикают.

— Всегда это удивляет?

— Конечно, разве они не должны были остановиться по прошествии трех дней?

— Они и остановились. Но я сняла их с завала. Прежде чем осмотреть тело покойного, я заходил в спальню. Собственно говоря, я и предпринял эту поездку сюда, чтобы завести часы скайбера Гриффина, чтобы часы часовую мастерскую.

— И обратите внимание, — сказала я, — что склоняется к столицам, — что за склоняется перед нами! Поглядите, Лестрейд! Поглядите!

— Но, Холмс, ведь это самая обыкновенная биночка вазелина, которую можно купить в любой аптеке!

— Напротив, это — орудие преступления! И все же... — добавил он задумчиво, — все же остается еще один вопрос, который не перешел в мучты меня... Кстати, а как же у вас супружеская жизнь?

— Не знаю, — сказала я, — но я помню одно приятное воспоминание супружеской жизни.

— Нет, не гостили по соседству, — я, — я не помню ничего приятного, кроме уединенного счастья моего супружества.

— Но, Холмс, это самая обыкновенная биночка вазелина, которую можно купить в любой аптеке!

— Нет, не гостили по соседству, — я, — я не помню ничего приятного, кроме уединенного счастья моего супружества.

— Но, Холмс, это самая обыкновенная биночка вазелина, которую можно купить в любой аптеке!

— Нет, не гостили по соседству, — я, — я не помню ничего приятного, кроме уединенного счастья моего супружества.

— Но, Холмс, это самая обыкновенная биночка вазелина, которую можно купить в любой аптеке!

— Почему же?

— Да потому, что он лежал в это время в постели с грелкой и

пил горячий чай: у него был сильный насморк.

Холмс возбужденно вскинулся:

— Это дело наконец завершено!

Мы с Лестрейдом поглядели друг на друга с изумлением.

— Мне остается дать только еще одно указание, — сказал Холмс, — чтобы вы, мистер Эйткен, понадать этот дом сегодня ночью. Я поручу вам любым дипломатическим средствам удержать здесь Агаси. Мы с Ватсоном тем временем отдохнем в этой комнате до пяти часов утра.

Зная властную натурę Холмса, я счел бесполезным распрашиваться о чем-либо. Холмс устроился в кресле-качалке. В нем расправились жажды, и он начал спокойно покойиться. Холмс уговаривал меня, чтобы я расположился на ней, но я отказывалась, опасаясь задремать в таком неуютном месте. Я отказывалась некоторое время и все же...

— Ватсон!

Голос Холмса пробудил меня от дремоты, нарушив сны. Я привинчиваю на постели, весь взъерошенный. Лучи утреннего солнца билли глаза, часы показывали пять часов пик.

Шерлок Холмс, уже успевший привести себя в порядок, стоял, поглядывая на меня.

— Уже восемь минут шестого, — заметил он, — я вынузден был разбудить вас. Ага, это Лестрейд... продолжал он, прислушавшись к стуку в дверь... — Думают, что остальные тоже с ними. Заходите, прошу вас!

В комнату вошла мисс Дейл в сопровождении доктора Гриффина, Эйнвортса и, к моему удивлению, священника.

— Погодите, мистер Холмс! — закричала Дорелес. — Это невинно-сimo, что из-за ваших капризов нам всем, даже бедному мистеру Эппли, пришлось остаться здесь на ночь.

— Позвольте мне, мисс Дейл, что это не были капризы. Я хочу объяснить, каким образом так хладнокровно было убито сквайр Трелони!

— Ух ты! Вот как! — выпалил доктор Гриффин. — Тогда я хотел бы знать, как же все-таки он был убит?

— Да-да-да! — проговорил Ватсон. Был стол проницательен, что обратил мое внимание на способ убийства. Нет, Ватсон, ни слова! А мистер Эппли навел меня на правильный путь. Он сказал, что если бы ему пришлось заниматься медициной, то, по его расассионности, стал бы без всякого повода удавать свою пациентку на живом камне. Но это не все. Он еще добавил, что перед операцией усыпал ее пахнущим хлороформом. Так вот это слово, которое давало мне разгадку, — «хлороформ».

— Хлороформ! — как эхо, отозвалась Гриффин.

— Да, именно так. Наушнивши в прошлом году судебный процесс Аделаиды Бартлетт, которую обвиняли в убийстве своего мужа, я знал ему в рот во время сна жидкий хлороформ, очевидно, навел убийцу сквайра на мысль применить это средство для своей гнусной цели.

— Но, черт возьми! Ведь Трелони не пил хлороформ!

— Конечно, нет. Не предположим, доктор Гриффин, что я взял бы ватную подушечку, пропитан-

шую хлороформом, и прижал ее минут на двадцать ко рту и носу старого крепко спящего человека. Что произошло бы тогда?

— Он, конечно, умер бы. Но это нельзя сделать, не оставив следов!

— Так, превосходно! А каких следов?

Хлороформ обижает кожу и вызывает появление пузырьков на ней. Поэтому на лице сквайра должны были остаться следы ожогов, хотя, может быть, и очень незначительные.

Холмс протянул руку к столику.

— Теперь предположите, доктор, — сказал он, поднимая кафельную баночку, — что я предварительно обработал лицо жертвы таким словом вазелина. Остались бы следы окожога?

— Нет, разумеется!

— Ваши медицинские познания помогли вам несколько забрежать перед обогнанным ходом моих рассуждений. Хлороформ — весьма летучее вещество; он легко испаряется и быстро исчезает из крови. Столько только отсрочить вскрытия трупа на два дня, как это и было сделано, чтобы никаких следов отравления не осталось!

— Не спешите, мистер Холмс! А запах?

— Да, осталась незначительная, очень незначительная вспышка, что запах хлороформа будет обнаружен в комнате, где произошло отравление, или при вскрытии трупа. Но количество хлороформа было почти неощущим из-за резкого и едкого запаха лекарств и мазей. А при вскрытии сэр Леопольд Харпер не почувствовал запаха, так как в тот день страдал сильным насморком!

Бледное лицо доктора Гриффина, казалось, побелело еще больше.

— Бог ты мой, ведь это правда?

— Теперь зададим себе вопрос: сильный? Кому могло быть выгодно это отравление?

Я затаил дыхание, как Лестрейд сделал шаг в сторону доктора.

— Эй, вы, осторожнее, черт бы вас побрал! — закричал Гриффин.

Холмс поставил на стол баночку с вазелином и взял в руки тяжелые золотые часы, которые, казалось, стали тикать еще громче.

— Я хочу обратить ваше внимание на эти часы, известные под названием Золотой охотники². Часы в восемь часов вечера я залез на дерево, чтобы отдать Сенна пять часов

дней. Ну, и что же из этого следует? — воскликнула мисс Дейл.

— Если вы помните, как раз в это время, утром, когда часы звались найдены мертвым, викерий залез в часы. Хоть звук, который вы сейчас услышите, может показаться вам непривычным, я прослышил бы присуществие к нему.

Холмс стал медленно заводить часы в темноте, раздалась раздражительный скрежет «кар-р-р-р». Головка часов продолжала покачиваться, и звук не прекращался.

— Подождите! — закричал Гриффин. — Здесь что-то не так!

— Превосходно! А что же именно не так?

— Черт возьми, ведь викерий,

1 В этих словах интересах? (лат.)
2 Охотничий часы с крышкой, защищающей стекло.

заводя утром часы, сделал только два оборота головки, и они оказались заведенными до отказа! Вы же сейчас сделали семь или восемь оборотов, а часы все еще полностью не заведены!

— Совершенно верно, — ответил Холмс, — но это не является каким-то особенностю часов скрипта. Ведите часы, заведенные в восемь часов вечера, неизбежно будет на следующее утро завести, до отклада только двумя повторами головки.

— Боже мой! — пронзительно сказал доктор, не отрывая взгляда от Холмса.

— Значит, покойный мистер Трелони не лежал спать в восемь часов вечера. Если принять во внимание его возбужденное состояние, то это означает, что он, вероятно, неизбежно будет сделать вывод, что он, вероятно, не ложился спать, сидел допоздна и читал библию. Ведь викерий упоминал, что такое иногда с ним случалось. Сквайр залез в часы, как обычно, после окончания чтения и лег в постель только около трех часов утра. Убийца застал его крепко спящим.

— И следовательно... — почти вскрикнула Дорелес.

— И следовательно, так как только один человек сообщил нам, что он видел сквайра спящим в восемь тридцать, в двенадцать и в час ночи, этот человек сказал нам заведомую лживую новость!

— Холмс! — вскричал я. — Наконец-то я вижу, куда ведут улики! Простите, но кто иной, как... Джеффри Эйнвортс бросился к двери.

— Ах, вот куда вы — закричал Лестрейд. — Он прыгнул к молодому человеку, и спустя мгновение раздалось щелканье наручников.

Мисс Дорелес Дейл, всхлипывая, кинулась вперед, но не к Эйнвортсу. Она бросилась в распахнутые объятия доктора Пола Гриффина...

— Вы видите, Ватсон, — заметил в заключение Шерлок Холмс, когда мы вечером снова сидели в квартире на Бейкер-стрит и потягивали виски с содой, — что вине Эйнвортса, который так страстью стремился жениться на молодой

девушку ради ее денег, в конце концов могла быть установлена и без часов как главного доказательства преступления.

— Не может быть! — возразил я.

— Мой друг, примите во внимание завещание Трелони!

— Тогда, значит, сквайр не изменил завещание в пользу Гриффин?

— Нет, он изменил его, но не успел осуществить свое намерение до конца. И был только один человек, который знал истинное положение вещей, а именно, что Трелони еще не подписал измененное завещание.

— Вы имеете в виду самого сквайра?

— Нет, я имею в виду Эйнсворта, стряпчего, который составил завещание. Он признался во всем. Его коварный план и заключался в том, что Гриффин после смерти сквайра неизбежно был бы арестован как единственное лицо, получающее выгоду от смерти Трелони. А Эйнсворт, женившись на Дорелоре, досталось бы, таким образом, наследство...

Холмс откинулся на спинку кресла и сомкнул кончики пальцев.

— Хлорофорум легко было добыть, это всем известно еще из дела Трелони. Будь другим сыном Эйнсворту не представилось особых трудностей получить доступ к медицинским книгам в библиотеке сквайра. Он на досуге разработал свой хитроумный план. Я бы не был так твердо убежден в своих выводах, если бы не исследовал с помощью лупы лицо покойника, обнаружив неоспоримые доказательства в виде мельчайших ожогов и следов взаимного поражения.

— Но мисс Дэйл и доктор Гриффин?

— Их поведение удивило вас? Да, женщины, так странны подчас...

Мой дорогой Ватсон, у меня возникли подозрения, как только я увидела с молодой девушкой, темпераментной и пылкой, попавшей в общество мужчины с похожими же характерами. Поведение доктора составляло резкий контраст с поведением хладнокровного стряпчего, так внимательно следившего за Дорелор. Вспомните, что она проявляла свою ненависть не вызванной неприязни к доктору в обществе.

— Тогда почему же она просто не разорвала свою помолвку с Эйнсвортом?

— Уверяю тебя, что дело всегда уходило за неизвестность и легкомыслие. Если бы она нарушила свое обещание, то потеряла бы достоинство в своих собственных глазах... Но почему, Ватсон, вы ухмыльяетесь теперь?

— Просто потому, что я подумал о названии этой деревушки в Сомерсете.

— Деревня Кембэрзэлл? — сказал Холмс, улыбаясь. — Да, в самом деле, деревня носит название нашего лондонского района Кембэрзэлл. Поэтому, Ватсон, когда вы будете отыскивать эти скопины, не забывайте дать аму тому загадочного, чтобы читатели не спутали место, где произошло кембэрзэллское отравление.

Перевод с английского
И. ВИЛЬКОМРИ.

Иоан ГРИГОРЕСКУ

ТАЙНА ДЕЛЬТЫ

30 декабря исполняется десять лет со дня провозглашения Румынской народной республики. За это время в жизни румынского народа произошло много радостных перемен, стала безраздельно владеть всеми землями и водами Румыния, привнесшая в страну бурные потоки жизни, грядущие и горестные было прошлее этой прекрасной страны. Тысячи рабочих и крестьян живут в нужде и невенчестве, на положении которых не могут жаловаться даже короли. Известный писатель Иоан Григореску приоткрывает завесу над этим мрачным прошлым, рассказывает, как освобожденный народ осуществлял величайшую задачу обновления страны, ставшей на светлый путь социалистического строительства.

— Не хочет Акбар, господин!.. И да уж он не хочет, сам алах тут ничего не поделает...

Акбар — это маленький, хильд ослик, усталый и упрямый. Его трудно заставить сиднуть с места арбу, в которой развалилась пухлая водопоясная бочка, наполненная прозрачной водой. Годубе, как цветок никории, не боится, что падет на Акбара, таким подвижным и быстрым, как крыса, как трещат почки его тяжестью берега. Вдруг другой изгибается липонский лес, из которого ветер доносит аромат цветов. Земля жужжит от множества

— Ну-ка, Акбар! Давай, сынок!.. Гляди, сам господин тебе просит... Смотри, и Асан толкает, и Алан толкает, и Алан толкает... Акбар!

Надо было и старуху с собой захватить, тогда бы и Акбар не понадобился!

Турок, безбородый человек с тонким, мальчишеским голоском, остановился, удивленно вытаращив из-под век глаза:

— Мой старуха не имеет, господин! Мой чистый! Мой из Исаиаческих чистых!.. Ствол липонского леса... Мой мед делает... Жена не нужен... Аллах видит, мой чистый, и шлет много пчел... Только Акбару ум не шлет... Даешь, Акбар! Давай, сынок!

Это один из тайн Дуная. Турок чист. Исаиаческие чистоплемя — скопины. Исаиа говорит, что тот, кто делает мед, должен быть чистым, как хрусталь. В какой-

зыvala, заталкивала в мешок и таскала в дальнее село, чтобы отслужить рождение, крестьяне, венчаные или панихида. Только спустя несколько дней узнавала округа, что такой-то погон был украден ночью.

Старый Дунай оставался единственным свидетелем этих страннейших тайн. Но и сам он был загадкой.

Дядя бродил по дельте, пил ее горьковато-соленую воду, прокладывал серпом тропинку в камышовых джунглях, выслеживал уток и лисицы, расставлял капканы для волков... Сраженный вспышкой молнии, он умирал, и наследники, я наследники безмолвия останутся наутро, однако так и не пойдут дельты. Но я залобился в нее, как алобийский каждый, кто хоть однажды побывал здесь.

Куда ни глянь — повсюду зелень, яркая, мистическая, паховая сила. Поздней весной, когда везде бурно развивались цветы соцветий, когда бесчисленные цветы, еще неведомые, были может, собирателям гербария, покрывали землю и воды, когда птицы и люди радовались возвращению теплого времени года, Дунай предлагал предо мною могучим и кипарисным. Пренебрегая картами, составленными людьми, он учинял настоящие острова из породы, из камня, чтобы изменил Дунай с орошаемых земель, отожманных в дельте.

Попробуйте представить, когда я знаю, как это трудно, — картину, которая походила бы на пейзаж дунайской дельты, уголок Румынии, занимающего более полумилиона гектаров между озером Разелем и рекой Килией. Вода, леса, изобилие канав, непрерывные тростниковые джунгли, настоящий рай птиц, животных и рыб...

Но это — лишь то, что можно охватить взглядом. С виду величественный, Дунай питался через устья и каналы савиц 300 миллионов тонн воды ежегодно, откладывая в дельте 180—200 миллионов тонн навоза. Каждая река готовится залечь на зеленом, покрытом богатой почвой, к астиче с морем.

Под Дунаем почти на сто метров в глубину лежат слои ила, песка, морской глины. Все это поконится на окаменевшем русле дельты. А глубже другой Дунай мчится в море. Это подземная река с холодной кристаллической чистой водой. Подземные коридоры заставляют ее хлынуть на поверхность артезианскими фонтанами. Глубинные потоки обнов-

— Русские старообрядцы в Румынии (прим. перев.).

Дельта Дуная богата рыбой, и хорошие условия здесь никого не удивляют.

для жизни в дельте, где, как ни странно, человеку издавна не хватало питьевой воды. А под этой подземной рекой, на глубине 325 метров, течет еще одна. Так что не один, а как бы три Дуны впадают в море...

Дельта образовалась из наносов, принесенных рекой в течение десятков тысяч лет. Когда-то здесь находились гавани и римские крепости. Они разрушены временем и войнами, смыты водой. Люди, жившие в этом крае, наполнили свои амбары добруджской пшеницей, а каладые — рыбой. Но это — в далеком прошлом. Вода, камши и леса вытеснили все, лишили в сказках рыбаков остались следы в памяти.

Только птицы и звери продолжали привычно жить в дельте. Наиболее привык одни из водных путей, перерезанных штормами и многие тысячи находит тут пристанище. В своей стихии чувствуют себя здесь волк и кабан. Десятки тысяч нор разверзлись в этих местах. Их шуркухи, как и мех нескольких тысяч выдр, ежегодно отправляются отсюда на прилавки самых роскошных мексиканских магазинов. А кожаные сумки с мёдом не хуже, чем в привычном.

Все растут и плодоносят в дельте. Рисовые плантации в ее окрестностях дают богатые урожаи, а посадки гибридных тополей превращаются через четырехнадцать — пятнадцать лет в леса, которые в ином климате смогли бы подняться только через века — восемьдесят лет.

И все же самы большими богатством дельты являются камши, которые еще недавно считались бесполезными и проклятыми этим же. Оседающий в камышах густой на болотах и на полянках, который на был причиной наводнений. Несмотря на то, что для малочисленных жителей дельты — двадцать тысяч человек на полмилиона га — камши служил строительным материалом, топливом и кормом для скота, эти камышевые заросли его ежегодно смытывались. Гигантскими пожарами расчищались места для рыбной ловли. Так было потянуто только на последние пятьдесят лет несколько миллионов тонн целиллюзии.

Камши дунайской дельты равненены мыльянами гектарами хвойных лесов. Для Румынии это — огромное богатство. Борьба за его использование началась еще в 1948 году. Первым шагом этой борьбы была ликвидация очагов малярии. В тех деревнях, где раньше малярия уносила сотни жизней, теперь совсем нет случаев заболеваний.

Вторым шагом было завоевание обломков. На территории Малых — главного шага тех, кто начал битву за овладение богатствами дельты — до сих пор стоят несколько маппи для сбора камыша. Это своеобразный музей заграничной техники, не выдержавшей экзамена в дельте. А румынским инженерам удалось сконструировать камышевую оборону комбайнов, заменивших труд 180 человек. Но инженерству не ограничились этим. Недавно спроектирована новая машина — еще машина и производительнее.

Третий шагом было использование пресных вод подземной реки.

Судьба дельты — в руках человека. Сейчас в Бразилии строятся большой комбинат для изготов-

Джон ГРАНТ

Фото Эда Хохмана
и Роберта Коэна.

МЫ ВИДЕЛИ НОВЫЙ КИТАЙ

Элен Кюнстиц из Лос-Анджелеса и Джинджер Мэтткос из Сан-Франциско сфотографированы в Пекине на площади Тяньаньмэнь, где проходил демонстрации и военные парады.

В один из антибританских дней позавчера в газете: «Говорит Фей Гудман». Получили ли вы статью «Диана Гранта»? Речь шла о статье, которую мы публикуем сегодня в «Смене». Фей Гудман, Диана Грант и еще сорок американских юношей и девушек совершили поездку по Китаю. Фей Гудман позвонила в редакцию за нескользко часов до отъезда на родину. Это же самая дипломатически хрупкая девушка из Нью-Йорка, которую я когда-либо видела. «Я хочу сказать, что я получила самое сильное впечатление о Китае!» — ответила: «Народ, его вера в будущее... Подобно ей, многие молодые американцы, вернувшись из Китая, неизменно говорят, что они получили впечатление о Китае, которое изменило их представления о китайской национальной культуре...»

Написанная для «Смены» статья Дианы Гранта.

Пять недель провела группа американских юношей и девушек в Китае. Срок небольшой, но я глубоко убеждена, что оно останется в моем сердце навсегда. Я буду вспоминать о нем, как о чудесном, когда вспомню о том, что нам довелось там увидеть. А увидеть мы прежде всего народ Китая, людей, чьи взгляды устремлены далеко вперед, в будущее, озаренное светом мира и социального прогресса.

Несомненным является тот факт, что китайцы стремятся к миру и исправлению в изразцах, в которых выражено самое важное, что наше предество раскажут у себя на родине о нашей стране. Страна, в которой почти все, даже антифашисты, очень плохо освещены о том, что представляет собой Китай. Поэтому я хочу сказать всем, что Китай — это все народы, независимо ни на что, должны постоянно укреплять свои связи. Китайцы, имеющие в своем обществе такие же социальные и общественные проблемы, мы обязаны следить все от нас зависящее, чтобы не было забыто о них. Китай — это война, угрожающая человечеству стольными бедами и горем.

Мы, американские туристы, пришли в Китай, чтобы увидеть поистине Китай — страну, где узыны войны не прекратились многое время, где народ живет в своем мире, в течение двух десятилетий. Может быть, именно поэтому любое человеческое действие в Китае — это и война и что такое мир. Ведь не так просто возможна ущерб, который может нанести человеку, если он не имеет в своем обществе многочисленной армии. А китайский народ перенес эти трудные годы. А сейчас он живет в мире, чтобы помочь, что убедительно вижуя испрение стремлением Китая к миру — самое значительное наше впечат-

ление. Но в Китае мы узнали и другое, не менее важное, чем чайке следует рассказать. Я имею в виду то, что Китай — это страна, в которой мы получили национальное представление о движущих силах общества. Китайцы, которые управляют страной и ведут ее вперед. Нам стало ясно, что в Китае царят вера и разум, а не страх. Вперед, вперед, вперед! У людей беспримерную настойчивость в реше-

Этот крестьянский паренек, с которым мы познакомились в сельскохозяйственном кооперативе близ Кантонга, охотно позировал нам.

ние раннего рода сложных и порой противоречивых проблем. Ничего абсурдного мне никогда раньше не приходило наблюдать.

В новых Китаях я не понимаю, что такое демократия. Решение любого вопроса может быть достигнуто лишь путем телесловного обсуждения. Это принцип, который называется «общедухом» — от общественных организаций до Всекитайского собрания народов. Всекитайское собрание выражается коллективно; каждый из отдельности принимает в этом участии. Административный принцип управления создает условия для взаимного уважения и взаимной ответственности между живущими сюда обществами. Это идет навстречу, что пришло в Китай вместе с солнцем.

Китайский народ — нация, которая видит перед собой ясную цель. Китайцы хотят, чтобы их страна процветала, чтобы она скорее была достигнута, работают, прилагая дружеские усилия и коллективный труд. В результате этого они сумели достичь успеха в своем общественном долгу, национальном единстве, что делает их более успешными, сильными, способными творить, готовыми работать, своих воинов. И надо сказать, что руководители, в свою очередь, способны на такое же уважение и внимание и поклонением, и мнению всех граждан, которые участвуют в работе, в выполнении общей цели — переустройства, реконструкции Китая.

У меня есть надежда, что здесь, новые отношения между людьми — первый шаг к процветанию страны, и подтверждение этого способом вызвать восхищение народов мира.

Кроме этого, мы уяснили себе и существо другого факта: потому что мы хотим знать о том, что мать Китая растет, что он осуществляет грандиозную программу изыскания и использования природных ресурсов много незавид. Китай приводит сейчас в огромных количествах в мир различные товары, что приводит торговые отношения почти со всеми странами мира. Все это ярко доказывает, что Китай — это путь, которым, который обеспечит ему видущую роль в международной арене.

Китайская молодежь находится в первых рядах строителей новой Китая. Ее энергия, энтузиазм и наряды — служат вдохновлением примером для юношей и девушек всего мира.

Перевод с английского.

ления целлюлозы из камыша. Румыны назвали это строительство Стальной дружбы. В нем участвуют четыре государства: Румыния, Польша, Чехословакия и ГДР. Все эти страны посыпают на струю камыша, машины и техническое документальное.

Кроме целлюлозы из камыша будут изготавливаться искусственная дреесина, пластические маски, горячий газ и спирты, которые найдут применение в фармацевтической промышленности и на фабриках синтетического каучука. Но это далеко не все. Почти ежедневно открываются

новые возможности применения камыша в народном хозяйстве.

Во времена старой Румынии делались попытки покорить землю, однако безуспешно. Это смог сделать только основатель социалистического строительства. В жизни дельты происходит сейчас коренной переворот. Он начался с тех пор, как жители дельты перестали бояться противомалярийных прививок, начали материться в школах либо каучука. Прежние тайны потеряли свою загадочность, ушли в область предания дикие обычай и нравы.

В дельту отовсюду приходят люди. Тысячелетнее спокойствие здешних мест, служивших прежде пристанищем лишь птицам и животным, отступает на территорию заповедников, занимающих до двадцати тысяч гектаров каждый. Их не коснутся преобразования, и они останутся владениями старого Дуная.

Древняя река, созданная знаменитым дельту, стала неисчерпаемым источником богатств, которые завоевывает человек.

Переведена с румынского
Т. ХАИС

ИГРУШКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В Копенгагене, недалеко от центральной площади Ратуша-плац, в витринах выставлены различные космические аппараты. Одни из них — «точные модели» американского искусства, другие — «зимние звезды», огромный стеклянный шар, рядом с которым, как дальневидный, сияет маленькая чесменская лампочка. При ее свете можно хорошо рассмотреть «шапку» «Мира» США.

Гляди на этот узкий спутник «искусственных» спутников, и не будешь удивлен: даже космонавты улыбаются. Да, эта бурноизданная газета «Информа-

ция», очевидно, имеет в виду американскую ракету, с которой погасла «Свет», бро- саемый русской искусственной Луной во многих местах земного шара, чтобы подсиянуть американскую звезду.

Американцы не скрывают ульбки датчан. В этой же витрине появился макет планеты Земля на фоне нарисованного лунного ландшафта разгуливают пурпурные и зеленые гигантские фэндрихи. И чтобы у зрителей не оставалось сомнений, что разглядывают они не просто фантазии, на них надпись: «Люди находятся на Луне, американцы доказали безубедительность приближения с пониманием».

Но игрушкам достается неправдивая Почта американцев усиленно рекламируют свой еще не запущенный космический корабль для сопровождения Земли мчаться в космическом пространстве. И датской газете «Иборд» сообщают, что в Америке не остается как с горячими заявлениями: «Престинную землю» американцы буквально напечатали Большой ущерб».

С этим мнением газеты нельзя не согласиться.

Ф. НИКОЛАЕВ

г. Копенгаген

От писчих палочек до авторучки

Восемьсот лет назад в Новгороде на писчих палочках писали каламом — тростиной, первые из которых были деревянными и гусиными. Затем это письмо было заменено пером. Одним из ручниковых инструментов XVI столетия заканчивается «Библия». Слово «пером» есть в словарях, но в русском языке оно употребляется для небольших писчих палочек, которые поэтому назывались пероминами.

Первые перьевые перья появились в России в тридцатых годах прошлого века. Их в обиход привели сразу. И в голгофских «Мертвых письмах» от них не осталось следа. Пушкин был большой и походящий на него будто бы несносною тяжестью, с которой он писал письмами, лес, заваленный на четверть аршина искохшими перьями.

Почти одновременно со стальным пером появилась ручка, в которую оно

важемой стилографической ручке, сделанной из рогового научуна. Она напоминала

лес чернилами и заканчивавшуюся металлической трубочкой, в которую можно было проводить перо.

От стилографической ручки, с точением времени улучшаясь, берет начало все разнообразие перьевых и гусиных ручек. Еще в начале этого века авторучка была новинкой, а в 1910 году Л. Н. Толстой не отмечал в своих воспоминаниях, что в 1910 году в продаже имелись «резервуарные», или «самописчие», пером. Л. Н. Толстому, конечно, неизвестны были эти перья, но писателям литераторам, пользующимся начальными гусиными перьями, писать было удобнее.

При всем своем удобстве авторучка не может писать, она требует специальных чернил, а главное, не дает возможности писать тонкими и плавными утолщениями. Хороший почерк можно писать только пером, письмо было бы слишком стильным пером.

Б. АЛЕКСЕЕВ

вставлялось. Для удобства письма теперь осталось лишь настроить приспособление, чтобы перо пристально освещало письмо. Использование перьевых писчих палочек, стальных перьев и гусиных перьев было прекращено.

Недавно при раскопках древнего Новгорода археологи обнаружили в гробнице «тетради» мальчика XII века. Вместе с берестяной тетрадью находилась костиная палочка, застегнутая на стразах, или стиль — металлическую палочку, употребляемую для письма в Египте и Риме для письма на писчих палочках. Одни хотели бы сказать, что это была какой-то закрученным, чтобы защищенным текстом. Судя по всему, писчая палочка передвигала свой стиль, то есть не ленись исправлять написанное, и получало лучшего изложения — стиля.

На пергаменте и бумаге

вставлялось. Для удобства письма теперь осталось лишь настроить приспособление, чтобы перо пристально освещало письмо. Использование перьевых писчих палочек, стальных перьев и гусиных перьев было прекращено.

Первая страница обложки: Снег выпал... Фотохудожник М. Муратов.
Четвертая страница обложки: Зимой на притоне Ангары, реке Вихоревке. Фото Н. Никонова.

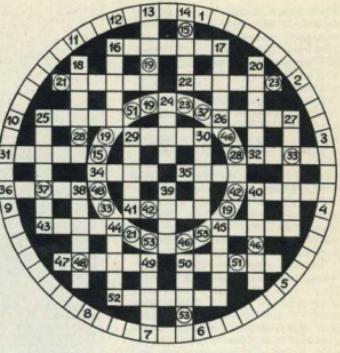
Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера Б. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-334-24. А 10443. Подписано к печати 20/XII 1957 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1506. Заказ № 3097.

Формат бумаги 70 × 108½. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОЛОВОЛОМКА

(КРОССВОРД — ЧАЙНВОРД — ЗАДАЧА)

Составил К. Калмыкович
(г. Жуковский, Московской области).

КРОССВОРД

По вертикали:

13. Циркус. 14. Сорт яблока. 15. Шифр с алфавитом латинских лиц. 17. Советский учёный-историк. 18. Название советской эпохи. 20. Генетик. 24. Объединение. 25. Государство в Европе. 27. Советский писатель. 29. Итальянский поэт XVII века. 30. Французский мастер. 32. Представитель нации, живущий в Азии. 33. Воззвание к народу. 44. Остров в Индийском море. 45. Вид искусства. 46. Страна, где живут люди одинаковой яности или газа. 50. Пряток Оби.

По горизонтали:

16. Искусственное удобрение. 21. Садовый инструмент. 22. Порода голубей. 25. Морской залыв. 26. Первый в мире мощнейший построенный по проекту администрации О. Макарова. 28. Историк. 44. Остров в Индийском море. 45. Вид искусства. 46. Страна, где живут люди одинаковой яности или газа. 50. Пряток Оби.
51. Стремительное нападение. 32. Узбекский писатель и учёный. 34. Соревнование для перехода перевала. 35. Столица европейского государства. 36. Голландский город.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

По горизонтали:

5. Кифербертина. 8. Корсар. 9. Ефросиния. 10. Нельсон. 12. Лида. 14. Тиран. 15. Алан. 17. Адмирал. 18. Диктатор. 21. Алан. 22. Запад. 23. Формас. 24. Мария. 25. Алан. 28. Иносад. 29. Кандидат. 30. Фольклорист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.

По горизонтали:

1. Мартин. 2. Рагор. 3. Планета. 4. Тирана. 5. Градация. 11. Надир. 12. Гортина. 13. Алан. 14. Алан. 15. Алан. 16. Алан. 17. Алан. 18. Паллада. 23. Киселев. 24. Крестьян. 25. Алан. 26. Алан. 27. Франс. 31. Каунас. 34. Сибирь. 35. Колас. 36. Рампа. пект.
1. Мартин. 2. Рагор. 3. Планета. 4. Тирана. 5. Градация. 11. Надир. 12. Гортина. 13. Алан. 14. Алан. 15. Алан. 16. Алан. 17. Алан. 18. Паллада. 23. Киселев. 24. Крестьян. 25. Алан. 26. Алан. 27. Франс. 31. Каунас. 34. Сибирь. 35. Колас. 36. Рампа. пект.

НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Тирана. 2. Кровя. 3. Железо. 4. Аицент. 6. Вольтическая единица. 7. Комиссионер. 8. Страна. 9. Драгоценный камень. 10. Алан. 11. Страна. 12. Алан. 13. Алан. 14. Алан. 15. Алан. 16. Алан. 17. Алан. 18. Алан. 19. Алан. 20. Алан. 21. Алан. 22. Алан. 23. Алан. 24. Алан. 25. Алан. 26. Алан. 27. Алан. 28. Алан. 29. Алан. 30. Алан. 31. Алан. 32. Алан. 33. Алан. 34. Алан. 35. Алан. 36. Алан. 37. Алан. 38. Алан. 39. Алан. 40. Алан. 41. Алан. 42. Алан. 43. Алан. 44. Алан. 45. Алан. 46. Алан. 47. Алан. 48. Алан. 49. Алан. 50. Алан. 51. Алан. 52. Алан. 53. Алан. 54. Алан. 55. Алан. 56. Алан. 57. Алан. 58. Алан. 59. Алан. 60. Алан. 61. Алан. 62. Алан. 63. Алан. 64. Алан. 65. Алан. 66. Алан. 67. Алан. 68. Алан. 69. Алан. 70. Алан. 71. Алан. 72. Алан. 73. Алан. 74. Алан. 75. Алан. 76. Алан. 77. Алан. 78. Алан. 79. Алан. 80. Алан. 81. Алан. 82. Алан. 83. Алан. 84. Алан. 85. Алан. 86. Алан. 87. Алан. 88. Алан. 89. Алан. 90. Алан. 91. Алан. 92. Алан. 93. Алан. 94. Алан. 95. Алан. 96. Алан. 97. Алан. 98. Алан. 99. Алан. 100. Алан. 101. Алан. 102. Алан. 103. Алан. 104. Алан. 105. Алан. 106. Алан. 107. Алан. 108. Алан. 109. Алан. 110. Алан. 111. Алан. 112. Алан. 113. Алан. 114. Алан. 115. Алан. 116. Алан. 117. Алан. 118. Алан. 119. Алан. 120. Алан. 121. Алан. 122. Алан. 123. Алан. 124. Алан. 125. Алан. 126. Алан. 127. Алан. 128. Алан. 129. Алан. 130. Алан. 131. Алан. 132. Алан. 133. Алан. 134. Алан. 135. Алан. 136. Алан. 137. Алан. 138. Алан. 139. Алан. 140. Алан. 141. Алан. 142. Алан. 143. Алан. 144. Алан. 145. Алан. 146. Алан. 147. Алан. 148. Алан. 149. Алан. 150. Алан. 151. Алан. 152. Алан. 153. Алан. 154. Алан. 155. Алан. 156. Алан. 157. Алан. 158. Алан. 159. Алан. 160. Алан. 161. Алан. 162. Алан. 163. Алан. 164. Алан. 165. Алан. 166. Алан. 167. Алан. 168. Алан. 169. Алан. 170. Алан. 171. Алан. 172. Алан. 173. Алан. 174. Алан. 175. Алан. 176. Алан. 177. Алан. 178. Алан. 179. Алан. 180. Алан. 181. Алан. 182. Алан. 183. Алан. 184. Алан. 185. Алан. 186. Алан. 187. Алан. 188. Алан. 189. Алан. 190. Алан. 191. Алан. 192. Алан. 193. Алан. 194. Алан. 195. Алан. 196. Алан. 197. Алан. 198. Алан. 199. Алан. 200. Алан. 201. Алан. 202. Алан. 203. Алан. 204. Алан. 205. Алан. 206. Алан. 207. Алан. 208. Алан. 209. Алан. 210. Алан. 211. Алан. 212. Алан. 213. Алан. 214. Алан. 215. Алан. 216. Алан. 217. Алан. 218. Алан. 219. Алан. 220. Алан. 221. Алан. 222. Алан. 223. Алан. 224. Алан. 225. Алан. 226. Алан. 227. Алан. 228. Алан. 229. Алан. 230. Алан. 231. Алан. 232. Алан. 233. Алан. 234. Алан. 235. Алан. 236. Алан. 237. Алан. 238. Алан. 239. Алан. 240. Алан. 241. Алан. 242. Алан. 243. Алан. 244. Алан. 245. Алан. 246. Алан. 247. Алан. 248. Алан. 249. Алан. 250. Алан. 251. Алан. 252. Алан. 253. Алан. 254. Алан. 255. Алан. 256. Алан. 257. Алан. 258. Алан. 259. Алан. 260. Алан. 261. Алан. 262. Алан. 263. Алан. 264. Алан. 265. Алан. 266. Алан. 267. Алан. 268. Алан. 269. Алан. 270. Алан. 271. Алан. 272. Алан. 273. Алан. 274. Алан. 275. Алан. 276. Алан. 277. Алан. 278. Алан. 279. Алан. 280. Алан. 281. Алан. 282. Алан. 283. Алан. 284. Алан. 285. Алан. 286. Алан. 287. Алан. 288. Алан. 289. Алан. 290. Алан. 291. Алан. 292. Алан. 293. Алан. 294. Алан. 295. Алан. 296. Алан. 297. Алан. 298. Алан. 299. Алан. 300. Алан. 301. Алан. 302. Алан. 303. Алан. 304. Алан. 305. Алан. 306. Алан. 307. Алан. 308. Алан. 309. Алан. 310. Алан. 311. Алан. 312. Алан. 313. Алан. 314. Алан. 315. Алан. 316. Алан. 317. Алан. 318. Алан. 319. Алан. 320. Алан. 321. Алан. 322. Алан. 323. Алан. 324. Алан. 325. Алан. 326. Алан. 327. Алан. 328. Алан. 329. Алан. 330. Алан. 331. Алан. 332. Алан. 333. Алан. 334. Алан. 335. Алан. 336. Алан. 337. Алан. 338. Алан. 339. Алан. 340. Алан. 341. Алан. 342. Алан. 343. Алан. 344. Алан. 345. Алан. 346. Алан. 347. Алан. 348. Алан. 349. Алан. 350. Алан. 351. Алан. 352. Алан. 353. Алан. 354. Алан. 355. Алан. 356. Алан. 357. Алан. 358. Алан. 359. Алан. 360. Алан. 361. Алан. 362. Алан. 363. Алан. 364. Алан. 365. Алан. 366. Алан. 367. Алан. 368. Алан. 369. Алан. 370. Алан. 371. Алан. 372. Алан. 373. Алан. 374. Алан. 375. Алан. 376. Алан. 377. Алан. 378. Алан. 379. Алан. 380. Алан. 381. Алан. 382. Алан. 383. Алан. 384. Алан. 385. Алан. 386. Алан. 387. Алан. 388. Алан. 389. Алан. 390. Алан. 391. Алан. 392. Алан. 393. Алан. 394. Алан. 395. Алан. 396. Алан. 397. Алан. 398. Алан. 399. Алан. 400. Алан. 401. Алан. 402. Алан. 403. Алан. 404. Алан. 405. Алан. 406. Алан. 407. Алан. 408. Алан. 409. Алан. 410. Алан. 411. Алан. 412. Алан. 413. Алан. 414. Алан. 415. Алан. 416. Алан. 417. Алан. 418. Алан. 419. Алан. 420. Алан. 421. Алан. 422. Алан. 423. Алан. 424. Алан. 425. Алан. 426. Алан. 427. Алан. 428. Алан. 429. Алан. 430. Алан. 431. Алан. 432. Алан. 433. Алан. 434. Алан. 435. Алан. 436. Алан. 437. Алан. 438. Алан. 439. Алан. 440. Алан. 441. Алан. 442. Алан. 443. Алан. 444. Алан. 445. Алан. 446. Алан. 447. Алан. 448. Алан. 449. Алан. 450. Алан. 451. Алан. 452. Алан. 453. Алан. 454. Алан. 455. Алан. 456. Алан. 457. Алан. 458. Алан. 459. Алан. 460. Алан. 461. Алан. 462. Алан. 463. Алан. 464. Алан. 465. Алан. 466. Алан. 467. Алан. 468. Алан. 469. Алан. 470. Алан. 471. Алан. 472. Алан. 473. Алан. 474. Алан. 475. Алан. 476. Алан. 477. Алан. 478. Алан. 479. Алан. 480. Алан. 481. Алан. 482. Алан. 483. Алан. 484. Алан. 485. Алан. 486. Алан. 487. Алан. 488. Алан. 489. Алан. 490. Алан. 491. Алан. 492. Алан. 493. Алан. 494. Алан. 495. Алан. 496. Алан. 497. Алан. 498. Алан. 499. Алан. 500. Алан. 501. Алан. 502. Алан. 503. Алан. 504. Алан. 505. Алан. 506. Алан. 507. Алан. 508. Алан. 509. Алан. 510. Алан. 511. Алан. 512. Алан. 513. Алан. 514. Алан. 515. Алан. 516. Алан. 517. Алан. 518. Алан. 519. Алан. 520. Алан. 521. Алан. 522. Алан. 523. Алан. 524. Алан. 525. Алан. 526. Алан. 527. Алан. 528. Алан. 529. Алан. 530. Алан. 531. Алан. 532. Алан. 533. Алан. 534. Алан. 535. Алан. 536. Алан. 537. Алан. 538. Алан. 539. Алан. 540. Алан. 541. Алан. 542. Алан. 543. Алан. 544. Алан. 545. Алан. 546. Алан. 547. Алан. 548. Алан. 549. Алан. 550. Алан. 551. Алан. 552. Алан. 553. Алан. 554. Алан. 555. Алан. 556. Алан. 557. Алан. 558. Алан. 559. Алан. 560. Алан. 561. Алан. 562. Алан. 563. Алан. 564. Алан. 565. Алан. 566. Алан. 567. Алан. 568. Алан. 569. Алан. 570. Алан. 571. Алан. 572. Алан. 573. Алан. 574. Алан. 575. Алан. 576. Алан. 577. Алан. 578. Алан. 579. Алан. 580. Алан. 581. Алан. 582. Алан. 583. Алан. 584. Алан. 585. Алан. 586. Алан. 587. Алан. 588. Алан. 589. Алан. 590. Алан. 591. Алан. 592. Алан. 593. Алан. 594. Алан. 595. Алан. 596. Алан. 597. Алан. 598. Алан. 599. Алан. 600. Алан. 601. Алан. 602. Алан. 603. Алан. 604. Алан. 605. Алан. 606. Алан. 607. Алан. 608. Алан. 609. Алан. 610. Алан. 611. Алан. 612. Алан. 613. Алан. 614. Алан. 615. Алан. 616. Алан. 617. Алан. 618. Алан. 619. Алан. 620. Алан. 621. Алан. 622. Алан. 623. Алан. 624. Алан. 625. Алан. 626. Алан. 627. Алан. 628. Алан. 629. Алан. 630. Алан. 631. Алан. 632. Алан. 633. Алан. 634. Алан. 635. Алан. 636. Алан. 637. Алан. 638. Алан. 639. Алан. 640. Алан. 641. Алан. 642. Алан. 643. Алан. 644. Алан. 645. Алан. 646. Алан. 647. Алан. 648. Алан. 649. Алан. 650. Алан. 651. Алан. 652. Алан. 653. Алан. 654. Алан. 655. Алан. 656. Алан. 657. Алан. 658. Алан. 659. Алан. 660. Алан. 661. Алан. 662. Алан. 663. Алан. 664. Алан. 665. Алан. 666. Алан. 667. Алан. 668. Алан. 669. Алан. 670. Алан. 671. Алан. 672. Алан. 673. Алан. 674. Алан. 675. Алан. 676. Алан. 677. Алан. 678. Алан. 679. Алан. 680. Алан. 681. Алан. 682. Алан. 683. Алан. 684. Алан. 685. Алан. 686. Алан. 687. Алан. 688. Алан. 689. Алан. 690. Алан. 691. Алан. 692. Алан. 693. Алан. 694. Алан. 695. Алан. 696. Алан. 697. Алан. 698. Алан. 699. Алан. 700. Алан. 701. Алан. 702. Алан. 703. Алан. 704. Алан. 705. Алан. 706. Алан. 707. Алан. 708. Алан. 709. Алан. 710. Алан. 711. Алан. 712. Алан. 713. Алан. 714. Алан. 715. Алан. 716. Алан. 717. Алан. 718. Алан. 719. Алан. 720. Алан. 721. Алан. 722. Алан. 723. Алан. 724. Алан. 725. Алан. 726. Алан. 727. Алан. 728. Алан. 729. Алан. 730. Алан. 731. Алан. 732. Алан. 733. Алан. 734. Алан. 735. Алан. 736. Алан. 737. Алан. 738. Алан. 739. Алан. 740. Алан. 741. Алан. 742. Алан. 743. Алан. 744. Алан. 745. Алан. 746. Алан. 747. Алан. 748. Алан. 749. Алан. 750. Алан. 751. Алан. 752. Алан. 753. Алан. 754. Алан. 755. Алан. 756. Алан. 757. Алан. 758. Алан. 759. Алан. 760. Алан. 761. Алан. 762. Алан. 763. Алан. 764. Алан. 765. Алан. 766. Алан. 767. Алан. 768. Алан. 769. Алан. 770. Алан. 771. Алан. 772. Алан. 773. Алан. 774. Алан. 775. Алан. 776. Алан. 777. Алан. 778. Алан. 779. Алан. 780. Алан. 781. Алан. 782. Алан. 783. Алан. 784. Алан. 785. Алан. 786. Алан. 787. Алан. 788. Алан. 789. Алан. 790. Алан. 791. Алан. 792. Алан. 793. Алан. 794. Алан. 795. Алан. 796. Алан. 797. Алан. 798. Алан. 799. Алан. 800. Алан. 801. Алан. 802. Алан. 803. Алан. 804. Алан. 805. Алан. 806. Алан. 807. Алан. 808. Алан. 809. Алан. 810. Алан. 811. Алан. 812. Алан. 813. Алан. 814. Алан. 815. Алан. 816. Алан. 817. Алан. 818. Алан. 819. Алан. 820. Алан. 821. Алан. 822. Алан. 823. Алан. 824. Алан. 825. Алан. 826. Алан. 827. Алан. 828. Алан. 829. Алан. 830. Алан. 831. Алан. 832. Алан. 833. Алан. 834. Алан. 835. Алан. 836. Алан. 837. Алан. 838. Алан. 839. Алан. 840. Алан. 841. Алан. 842. Алан. 843. Алан. 844. Алан. 845. Алан. 846. Алан. 847. Алан. 848. Алан. 849. Алан. 850. Алан. 851. Алан. 852. Алан. 853. Алан. 854. Алан. 855. Алан. 856. Алан. 857. Алан. 858. Алан. 859. Алан. 860. Алан. 861. Алан. 862. Алан. 863. Алан. 864. Алан. 865. Алан. 866. Алан. 867. Алан. 868. Алан. 869. Алан. 870. Алан. 871. Алан. 872. Алан. 873. Алан. 874. Алан. 875. Алан. 876. Алан. 877. Алан. 878. Алан. 879. Алан. 880. Алан. 881. Алан. 882. Алан. 883. Алан. 884. Алан. 885. Алан. 886. Алан. 887. Алан. 888. Алан. 889. Алан. 890. Алан. 891. Алан. 892. Алан. 893. Алан. 894. Алан. 895. Алан. 896. Алан. 897. Алан. 898. Алан. 899. Алан. 900. Алан. 901. Алан. 902. Алан. 903. Алан. 904. Алан. 905. Алан. 906. Алан. 907. Алан. 908. Алан. 909. Алан. 910. Алан. 911. Алан. 912. Алан. 913. Алан. 914. Алан. 915. Алан. 916. Алан. 917. Алан. 918. Алан. 919. Алан. 920. Алан. 921. Алан. 922. Алан. 923. Алан. 924. Алан. 925. Алан. 926. Алан. 927. Алан. 928. Алан. 929. Алан. 930. Алан. 931. Алан. 932. Алан. 933. Алан. 934. Алан. 935. Алан. 936. Алан. 937. Алан. 938. Алан. 939. Алан. 940. Алан. 941. Алан. 942. Алан. 943. Алан. 944. Алан. 945. Алан. 946. Алан. 947. Алан. 948. Алан. 949. Алан. 950. Алан. 951. Алан. 952. Алан. 953. Алан. 954. Алан. 955. Алан. 956. Алан. 957. Алан. 958. Алан. 959. Алан. 960. Алан. 961. Алан. 962. Алан. 963. Алан. 964. Алан. 965. Алан. 966. Алан. 967. Алан. 968. Алан. 969. Алан. 970. Алан. 971. Алан. 972. Алан. 973. Алан. 974. Алан. 975. Алан. 97

«СМЕНА» В 1957 ГОДУ

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

Весенний праздник	22
Вечные наши дахи	19
Итоги III шахматной олимпиады «Смены»	22
Летающий «зебра» 250 лет	22
Награды за доблестный труд	8
Наш май	8
Первый разведчик вселенной	20
Под величественным Ленинским знаменем	19
С победой, олимпийцы!	18
Тебе, Отлични! —	18
Третий спортивные игры	16
РАССКАЗЫ, ОТРЫВКИ	
Бадримов Э. — Белые астры	22
Белурусов В. — Что такое любовь	14
Белов А. — Неподражаемая невеста	9
Бугаев А. — Трое	14
Васильевин С. — В-Беглов	18
Васильев А. — Февральский венок	14
Герасимов Н. — Рязанской хлеб	4
Громов Ю. — Зной	17
Головоломкин И. — Записки чекиста	22
Страгиченко В. — 19, 20, 21, 22	22
Доронин А. — Красавица	9
Дурова Н. — Рассказы о моих друзьях	2
Козлов П. — Две в стенах	2
Лапшин А. — Смотреть людям в глаза	6
Льзов С. — Юмористические рассказы	14
Мугуров Х.-М. — Дружба	4
Пасенюк Л. — Море зовет	14
Пермани А. — Весенние голуби	14
Попов А. — Старый ерш	10
Петров (Бирюк) Д. — Ю. в огне	10
Плотников П. — Лесные рассказы	8
Пряжникова А. — Короткие волны	8
Розовик О. — Стириальная сестра	16
Силаева Б. — Третья пуговица	1
Синев А. — Сухари	12
Синегубов М. — Отец команда	14
Сластенин И. — Долг	15
Третьяков В. — Поздравляю	8
Трикимович Н. — Сын приехал	16
Ульянова Е. — Весенний подарок	14
Устинова В. — Два радости	13
Файзуллин К. — Четыре флаги	13
Челышев В. — Клен	9
Черепанов М. — Мечты. Маринина	14
Членов А. — Вот наизнанки, он та-
груться	20
Шебуинин П. — Здравствуй, ри-
бона!	23
Янин А. — Последняя ночь	11
РАССКАЗЫ, ОТРЫВКИ
ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ	
Брехт Б. — Солдат из Ласкоты	9
Вудфорд Д. — Юмористические рассказы	12
Григорьев Н. — Кинематограф «Макаровец»	12
Денис Л. — Труды правосудия	23
Конан Дойл А. — Случай с золо-
тыми часами	15
Кропоткин А. — Приморская роза	18
Мачинчиани Ф. — Специальный поезд	1, 2, 3
— — — — — Четыре дня	1
Неаполитан	9
Москалев Г. — Две рассказы	21
Нурин Р. — Свободу забыть-
нелья	7
Турик Ж. — Космический	19
Торбер Г. — Натуралистка	6
Чаккарин Кон. — Воспринимание из
мертвых	19
Эдиник Ф. — Письмо	8
Шаппел — Справедливость вла-
димира	17
СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ВЫСТАУПЛЕНИЯ	
Андреев В. — Свободное распре-
деление	6
Андреев В. — Макаров Н. — Сту-
дентическое лето	14

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ	
Андреев В.—Свободное распределение	6
Андреев В., Макаров Н.—Студенческое лето	14

Артоболевский Н. -

ФЕСТИВАЛЬ И СТУДИЯ	
иши, дерять, тврить	1
Астафьев В.—Строитель	16
Бадаев Э.—Когда побизн	17
—Огни новой Магнитки	17
Буденний С. М.—Этих дней не смолкнет слава	20
Бурин Н.—211 000 000! 00!	20
Вауличук С.—Возмездие	9
Вашчаре К.—Жил в городе Владимир	10
—Это—твой долг!	16
—Земля сибирская	20, 21, 23
Величко М.—Из искры...	10
Гончар О.—Друга великого	13
Горубнов Г.—Еланевые мореходы	13
Горюхин М., Чертов С.—«Верный раздень пролетариата»	24
Дубасов М.—Герон Триполь	4
Егоров Б.—Этих дней не смолкнет слава	20
—Красота человека	6
(Обзор откликов читателей на этот материал помещен в №№ 16 и 17)	
—Москва в 7-30	14
—Пятое десятилетие	21
Жаров М.—Тост за смех	21
Заславский Д.—Песни торжествующей дружбы	21
Иванов Н., Азаров А.—Незабываемые встречи	19
Карасев В.—Право великое	19
Кассин В.—За порогами Циньмины	19
Кобзев И.—Город великих традиций	12
Коновалов Г.—За власть Советов	12
Копак С.—Чувство велическое, благородное	5
Кочевников С.—Письма, написанные красно	4
Коробкин Н.—Вацлав, песни!	4
Крючков Г.—Знайте их имени	16
Кривченко А.—К.Хлебрево-лоции	12
Кудашев М.—Бухаринский	10, 11
Лиханов А.—Биография одного нуза	21
Михайлов П.—Москва—Нью-Йорк	18
Немопомныйч Н.—Год спустя	18
—Идет фестивальская	12
сталь	12
Палей А.—Мы учимся во	12
льзовке	13
—На земле Закарпатской	18
Пекелик В.—Солдат в краю	13
черных почек	13
Петров А.—Родина Ильи	9
Петров Н. Н.—Юность национального писателя	18
Подкопаев М.—Революционные	18
недорогие шаги	20
Полевой Б.—Наши знамя	9
Прилуцкий В.—Верные и не-	13
Прозоров П. А.—История одной	20
вятской деревни	20
Розова Р.—Праздник жизни не может быть чистой	2
Россаков Е.—Интервал концов	24
Рогинян Е.—На подиуме цирка	24
Антиподова	2
—Подигр на Амуре	11
Северский Г.—Это было в Литве	1
Симонов Н.—Не лишне юности	1
лучей	1
Сирбанин К.—Будьте всегда молодыми	1
Соловьев Г.—Яничевский В.—Люди, которые оправили	1
Токийский Н.—Это не вольшебная	19
магия-птица	2
Тумаринина Е.—На венгерской	9
земле	9
Ульев С.—Путь, занятый	18
Францев А.—Струны Ипполита	18
Черниченко Н.—На берегах	1
Кулиуды	1
Шинилов Ф.—Широта 75°2'	6
дуги 73°35'	6
Юрий Б.—Любовники —Здесь	1
интереснее	1
Яблочкина А.—Любите нашу	1
Отчизну	1
Аббас К. А.—	1
единственный	1
Арда Д.—До сих	1
Ашенилан З.—Синяя солнечная	1
Ачкаров А. М.—	1
Московской	1
Борисов И.—Всё	1
другое	1
Веденель Ч.—Наш	1
Димитров Г.—На	1
пишут песни	1
Донгки П.—Слово	1
ни Пекин	1
Иванов Д.—Молодежь	1
лежит дух	1
Картер М.—Задумчиво	1
—Рузвельт	1
Ламберт В.—	1
Дружка!	1
Линдес Д.—Дух	1
Ло Шеин Бара—	1
негала борется	1
Непомнящий Ю.—	1
Юности счастья	1
Призывальщик В.—	1
Слышим	1
драмы	1
—	1
—	1
нимают гостей	1
Погорелов Ю.—С	1
София	1
Рынадзе Г.—Творческая	1
Энвандора	1
Харин Р.—Хен	1
песни—драмы	1
Хуан Чунь-чу—	1
ый Китай	1
ЛИТЕРАТУРА	
Владимиров	1
встреча, надежда	1
Воронко В.—Шанс	1
—Пр	1
жизни	1
Ерихонов Л.—	1
Закирюнов В.—Б	1
Кафанаев М.—	1
Попов	1
Ниркова В.—	1
моя	1
Пашинян В.—	1
Рыжин Г.—С	1
шево	1
Н	
Гольшев Г.—Радость	1
высот	1
Дантес Ф.—Б	1
ученных	1
Куценко Н.—Б	1
ния	1
Лебедев А.—Так	1
Ивановин Д.—	2
ли природы	2
Николаев И.—Т	2
шего	2
Сидоров Г.—Н	1
Тиморев Г.—Угольному	1
Цыбин Г.—Чудеса	1
Стрельников Г.—	1
мечтатель	1
С	
Ануфриков М.—	1
Штурм письма	1
Васильев Е.—Т	1
Виноградов	1
бадре Васильев	1
Гиппенрейтер В.	1
бнов	1
Еленский Г.—	1
заниматься	1

МАТЕРИАЛЫ О VI ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ и СТУДЕНТОВ

- Абасов К. А.** — Несокрушимое единство.
Адам Д. — До скорой встречи.
Аншинецкая Л. — Пусть в небе сият солнце.
Анчурин М. Р. — Я люблюсь.
Московин
Борисов И. — Вестник мира и дружбы.
Борисов И. — Ильинка.
Димитров Г. — Над Москвой за-
зеняет синяя мгла и счастья.
**Донати Д., Перея Р., Перманс-
кий П.** — Строители мира.
Иванов Д. А. — Святой принц-
богатырь будущего.
Картер М. — Защищать мир!
Киевская И. — Руку, простые пар-
ни мира!
Лавров В. — Франшизифик! Дружба!
Лиханова Д. — Дух надежды и то-
варищества.
**Ля Шенкова — Молодость Се-
верной Бороды борется с не-
известностью.** — Нынешно-созы-
юющаяся счастливая.
Призывальщикова Е. — Пульс фести-
вального сплещенное с нарядом
днем.
— — — Целинники при-
нимают гостей.
Погорелов Ю. — Спорт на фести-
валь.
Райнхардт Г. — Письмо из
Эвандора.
Харинин Р., Хенкин Г. — Наши
песни и драмы фестивали
Хуан-Мануэля. Это шагает по-
вый Китай .

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Байдаков Б. — Ожидания,
встречи, надежды.
Воронов В. — Шедевры таланта
— — — Правда народного
жизни.
Ершов А. — Гете.
Землянов Б. — На месте дуали
Пушкина.
Кафарнова М. — На арене — Олег
Попов.
Норина В. — Музика — душа
Пашенской В. — Школа Шептицкого.
Рыклин Г. — С Горыниным в Вол-
шебство.

НАУКА

Гольшиев Г. — Разведчики боль-
ших высот.
Давыдова Ф. — Великий поход
ученых.
Корнейчук Г. — Радость сози-
ания.
Лебедев А. — Творить и драться.
Налимов Г. — Первостроительные
ли природных богатств.
Никонов И. — Транспорт буду-
щего.
Сидоров Г. — Наши алмазы.
Тернеров А. — Отец обувики
и ученый.
Цымкин Г. — Чуческие кристаллы.
Штернфельд А. — Неутомимый
мечтатель.

СПОРТ

Ануфриков М., Буданов П. —
Штурм пила Победы.
Васильев Е. — Тупа спортивная
Никторов Л.—Самая большая
игровая команда в мире.
Гиппенрейтер В. — Охота на ма-
ниболов.
Еленский Г. — Когда начинать
заниматься спортом?

Зорин Б.—Футболисты одного

двора	14
Мерзанов М.—Спортивное лето	12
Светов А.—Спорт смелых	24
Синельников А.—Ивановские
копинки	18
Фомичев Н.—Рекордный вес
взят	10
→ → До новых встреч	15
Яцковский А.—Вулкан продолжает жить	8

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Аббас К. А.—Мой друг Афана-
сий Никитин	15
Артюх Ю.—Чилийские кони	16
Биструцкий Х.—Читатели «Сме-
жника»	14
Брэдли В.—К новым гори-
зонтам	2
Гильев Н.—Молодежь земли	2
Грант Д.—Мы видели новый свет	24
Греко Ю.—«Мое сердце с вав-
илоном»—пишет Лопатин Торрес	4
читателям «Смены»	
Григорьевский И.—В лесах Румы-
нии	1
Григорьевский И.—Танцы дальни-	24
Грош К. И.—Воротись за сча-
стие и процветание	1
Жуенеффа М.—О моей стране и
нашей жизни	1
Иванов М.—Ленинское Поро-
чнико	18
Капур Р.—Да здравствует наша
дружба с СССР	1
Кордова Л.—О чем рассказала
Марселя Делё	6
Глаз Г.—В доме, где вырос
герой	9
Линник Д.—За улучшение
взаимоотношений между	
Англией и СССР	1
Прищепа К.—Коммунисты
и погодные условия	17
Уолферт А.—Достойно служить
человечеству	2

СТИХИ

- Абродин А. (18); Акунишев Н. (8); Атинов Д. (13); Благов И. (14, 23); Богатырь Б. (9); Вершинин М. (10, 21); Гаврилов А. (3); Герасимов М. (23); Глазков Н. (21); Годенов А. (10); Гончаров А. (11); Гончаров М. (17); Дубуссак С. (13); Ерошин И. (10); Жарков А. (5); Золотухин И. (20); Кедров Д. (1); Кобзев И. (10); Колюковский А. (9); Копылов А. (11); Красильников А. (17); Крикунов Ф. (6); Кудрявцев П. (13); Кулибин В. (6, 9); Кулик Н. (11); Лысенков М. (20); Ломакин К. (11); Лысов М. (2, 7); Малышев А. (10); Марков А. (10, 18, 19); Нарышкин С. (3); Нешаев Ш. (20); Нилюкаев А. (18); Нилюкаин Л. (6); Плигиненко М. (17); Популярюхин Ю. (6); Радимов П. (10); Родионов И. (1); Сарандин С. (13); Сапков А. (1); Сароян Г. (11); Старицкий Н. (4); Субботин В. (9); Танк М. (6); Томчак А. (7); Филатов А. (19); Чинкин Л. (6, 11); Шаховской Б. (23); Чинкин Л. (10); Шипажкина Л. (6).

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЭТОВ

- ПЕСНИ**
Агабабов С. (6); Ахимов К. (13, 21);
Баев Г. (8); Борисов В. (19); Бын-
ин М. (1); Вернер З. (3); Галин
Н. (9); Горин И. (15); Гин А. (7);
Катон Г. (18); Кузнецова А. (11);
Листов К. (5); Манвелян З. и Бот-
ров Е. (13); Монроусов Б. (16); Се-
реинников В. (17); Сидир М. (22);
Шанинский В. (4, 20).

Цена номера
2 руб.

